

Ольга Морозова

ЛЮДИ И ДРАКОНЫ

Ольга Морозова

Люди и драконы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3459035

Ольга Морозова. *Люди и драконы*: Московская городская организация Союза писателей России;
Москва; 2012
ISBN 978-5-7949-0044-6

Аннотация

Цивилизации, даже очень древние, не исчезают бесследно, они лишь возрождаются в новом качестве, исподволь меняя ставший таким привычным наш мир... Кто сидит рядом с вами за рабочим столом, кто улыбается вам с телеэкрана? Вы уверены, что это человек?

Мы меняем свои имена,
Мы жонглируем ими, как булавами,
Шлейф из чужих имен
Из веков протянулся за нами.
Мы за каждым из них что-то прячем,
Не хотим, чтобы знали другие.
Кто мы? Мы и сами уже не знаем,
Потерялись в калейдоскопе,
Мы и сами себя не узнаем,
Если встретим вдруг на дороге...

Содержание

Люди и драконы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Морозова

Люди и драконы

Где живут драконы?

Одни писатели селят их вместе с эльфами и гномами в иные, фэнтезийные миры. В этих мирах правят не известные нам непреклонные законы физики, а законы волшебства, законы магии. Там возможно все – даже драконы. Они там воруют у гномов золото, а у людей – красивых девушек...

Другие авторы заселяют драконами иные планеты. Там в них никто не видит ничего магического. Просто на этих планетах драконы – такие же типичные представители местной фауны, как на нашей Земле, скажем, волки или носороги. Жители этих планет укрощают драконов и летают на них...

Не надо забывать, что драконы еще обитают на старинных барельефах, на китайских шелковых платках, на коврах и других произведениях прикладного искусства. Драконы живут в легендах и мифах народов всех сторон Света, будь то Европа или Азия, Африка или Америка... И вот что любопытно: в двенадцатилетнем китайском годичном цикле все животные реальны, и только один вымышленный персонаж – дракон... Может быть, не такой уж он и нереальный? Может быть, драконы – крылатые, огнедышащие! – когда-то населяли и нашу Землю? А может быть, они и сейчас живут среди нас?

Собственно об этом и повествует произведение, которое вы держите в руках. В нем нет мечей и магии, нет эльфов и гномов, нет других планет и других измерений. На первый взгляд, все в нем обыденно и реалистично. Однако неуловимое волшебство в этой повести тесно переплетается с бытовыми подробностями. Тайна в ней сталкивается с обыденностью.

Поначалу все выглядит как простая бытовая история. Деревенская девушка встречает городского парня – археолога, приехавшего на раскопки. Между ними моментально вспыхивает чувство. Они любят друг друга. Они знакомятся с родителями друг друга. Они женятся и десять лет живут мирно и по-простому. Он работает в институте, она оканчивает экономический и служит в банке. Обычный мир, обычная реальная жизнь...

Но потом надвигается тайна. Она наступает исподволь, неспешно, но при этом – неотвратимо. Оба супруга начинают замечать за собой всевозможные странности. Происходит что-то экстраординарное, необъяснимое с рационалистических позиций.

Муж пропадает, жене кто-то угрожает... Обыденный мир подвергается мифологическим деформациям. Реальность сдвигается, обнажая настоящие чудеса.

Аркадий и Борис Стругацкие когда-то точно заметили, что хорошая фантастическая литература состоит из трех компонентов: чуда, тайны и реальности. Именно так и построено это произведение. И все компоненты в нем – в самых правильных пропорциях, чтобы увлеченно и трепетно следить за событиями, происходящими с героями, чтобы переживать за них.

Потому что давно известно, что самые страшные драконы живут не в иных мирах, не на других планетах, – а в нас самих. Самые жуткие драконы у нас внутри.

Люди и драконы

*Демоны крылья расправили,
И вытянув шеи тощие
Обитель свою оставили,
Злое исполнив пророчество.
Щурясь от света яркого,
Постукивая когтями,
Демоны тело затекшее
От пыли веков очищали.
Но вот они встrepенулись,
Глаза их огнем разгорелись,
И чьей-то воле послушные,
Демоны разлетелись.
Их шепот вкрадчивый, сладенький,
Слышен теперь повсеместно.
Демоны наслаждаются,
Им нравится это место.
Демоны ненасытные
Глумятся и насмехаются,
И край виднеется пропасти,
Они из нее появляются...
И нет у бездны начала,
И нет у бездны конца,
И безнадежность читается
В каждом изгибе моста,
Того, что над пропастью кинут,
Уж больно он хлипок и мал...
И нет у него перил,
Перила демон украл
Шанс небольшой перебраться,
Больше шансов упасть,
Но все-таки стоит пытаться,
К Вере с Надеждой воззвав...*

Солнце только озарило верхушки деревьев, как из леса на опушку вышел старик. Он был небольшого роста, плотный и коренастый. Густые черные волосы почти не тронула седина. Опираясь на палку, он остановился, приложил ладонь козырьком ко лбу, поднял глаза к небу и втянул мясистыми ноздрями воздух. Что-то начиналось, он это чувствовал. Это было едва уловимо, оно еще только зарождалось, но ветер уже принес отголоски будущих перемен. Старика было трудно обмануть. Он ждал и боялся этого. Теперь он боялся еще и умереть, после столь долгого ожидания. Он постоял еще немного, пытаясь уловить запахи, приносимые ветром, убрал руку ото лба, где блеснули в свете зарождающегося утра желтые, с разрезом посередине глаза, и повернулся в сторону чащи. Пора уходить, не стоит стоять тут долго.

На нем была серая холщовая рубаха до пят, отороченная понизу и по рукавам затейливой вышивкой красного цвета, напоминающей языки пламени. Старик глубоко вздохнул и

ускорил шаг. Из-под подола его одеяния выглянул маленький кончик чего-то темно-зеленого, почти черного цвета, покрытый жесткими чешуйками. При ходьбе этот треугольный кончик забавно болтался из стороны в сторону, оставляя на траве едва заметный след, словно здесь проползла змея. Следов старика видно не было.

* * *

Свадьба была пышной и шумной. Сейчас Василиса вспомнила это особенно отчетливо. Она сидела в одиночестве на своей роскошной кухне, перед ней стояла уже остывшая чашка кофе, про которую она давно забыла, и вспоминала события десятилетней давности. Как давно, давно все было. Как круто тогда изменилась ее жизнь! Она, простая деревенская девчонка, и мечтать не могла о такой судьбе.

Василиса жила в небольшом городке, который и городком-то назвать было сложно. Так, поселочек городского типа на обочине жизни. Она окончила школу несколько лет назад и теперь работала продавцом в местном сельмаге. Серая, нудная жизнь. После школы она ездила поступать в институт в близлежащий город N, но провалила экзамены. Тогда она не очень расстроилась, подумаешь, не поступила. Ей всего семнадцать, жизнь только начинается. Она подготовится и поедет на следующий год. Ничего страшного, утешала она себя. Но действительность закружила ее, засосала в свое топкое болото. После работы она приходила совершенно разбитая, заниматься просто не было сил. В выходные она ходила с девчонками на танцы, чтобы немного развеяться. Книжки внушали ей тоску. Нет, она пыталась открывать их, немного читала в приступе раскаяния, но мало что запоминала. Запал иссяк, постепенно мысли о поступлении и о новой жизни превратились для нее в несбыточную мечту. Она даже пробовала нанимать репетиторов в первый год после школы, зубрила. Но и на следующий год она тоже провалила экзамены. Жизнь для нее утратила всякий смысл. Никогда ей не вырваться отсюда, никогда! А она очень хотела стать археологом. Раскопки, поездки, древности, интересная, насыщенная жизнь. Но, увы, мечты разбились о препятствия, которые для Василисы по многим причинам стали непреодолимыми. Хотя и родители, и учителя их сельской школы утешали ее, что еще не все потеряно, что она поступит на следующий год, если будет усиленно заниматься, но Василиса им не верила. Здесь просто некому было ее хорошо подготовить. Уж это-то она знала точно. На экзаменах в вуз она не дотянула даже до четверки. Впала в какой-то ступор, ничего не хотела. Просто продолжала работать в ненавистном сельмаге. День за днем, неделя за неделей. Родители ее жили небогато, нужно было помогать, на шее у них сидеть не хотелось. Сколько она будет еще так поступать? Где-то в глубине души она лелеяла надежду накопить денег и уехать. Можно было бы устроиться на завод и поступить на вечернее отделение, но мама была категорически против. И Василиса смирилась. Она согласилась подождать немного, а там видно будет. Но видно так и не стало. Прошел еще год, а потом еще и еще, ей стукнуло двадцать три. С горечью Василиса поняла, что от судьбы не уйдешь, а сама она делать свою судьбу так и не научилась. Она обыкновенная бездарность и серость, достойная той жизни, которую ведет. У нее нет силы воли, она не в состоянии добиваться цели, она просто глупа, ленива и инертна. Ну что ж, решила она тогда, везде люди живут. Пускай так, выйду замуж, рожу детей и буду жить, как все. Но с замужеством тоже были проблемы. Она, конечно, встречалась с парнями, но до замужества никогда не доходило. Они не предлагали, а Василиса особенно и не настаивала. Все кандидаты казались ей убогими, хотя чем она лучше, она не могла понять сама. Так вот она и жила, просто плывя по течению, куда оно вынесет, рассматривая со своего небольшого плотика однообразные берега, уже без особого интереса.

И вот однажды, когда осенним погожим утром она шла, помахивая сумочкой, на работу в магазин, мимо нее проехала огромная черная машина, блестя полиролью и отсве-

чивая тонированными стеклами. Машина была настолько прекрасна, что осталась за гранью разума Василисы. Здесь, насколько она помнила, никогда таких не было. Машина прошуршала шинами по гравии и остановилась как вкопанная перед зданием местной администрации. Из нее вышел шикарный молодой человек и зашел вовнутрь. Василиса заметила это все краем глаза. Она знала, что это не для нее и не за ней. А потому и незачем пялиться. Она совсем не считалась красавицей, скорее серенькой, незаметной. Но, к слову сказать, мальчишки тоже мало ее интересовали. «Не кривая, не косая, и на том спасибо, – любила думать Василиса, – не в мужиках счастье. Меньше будут досаждают». И все же, проходя мимо машины, она замедлила шаг. Простое человеческое любопытство. Но тут из здания, совершенно неожиданно, вышел тот молодой человек. Василисе стало ужасно неловко, как будто она его тут поджидала. «Любопытная деревенская баба, – подумала она о себе с неприязнью, – что уставилась?» Но молодой человек, проходя мимо, посмотрел на нее очень внимательно. Казалось, он даже чему-то удивился. Василиса ускорила шаг, ей было очень стыдно. Она шла, не оглядываясь, поэтому не могла заметить, что молодой человек еще долго задумчиво смотрел ей вслед, пока кто-то из машины не окликнул его.

На работе Василиса выкинула это происшествие, которое, строго говоря, и происшествием-то назвать было нельзя, из головы. Как назло, было много посетителей. Она металась как угорелая, что-то подавала, выбивала чеки, взвешивала. В восемь она закрыла магазин и стала собираться домой. И каково же было ее удивление, когда, выйдя из магазина, она увидела на улице того парня из машины. Он стоял неподалеку, под большим раскидистым деревом, и наблюдал за входом в магазин. В руках он нервно мямл травинку. Василиса опешила, но и тогда не могла подумать, что этот шикарный, по ее мнению, красавчик пришел за ней. Но парень, увидев, что она вышла и повесила на дверь замок, покинул свой наблюдательный пункт и направился прямо к ней. Василиса уже успела немного отойти от магазина, но он догнал ее и тронул за руку. От неожиданности Василиса остановилась и обернулась. Глаза ее встретились с глазами парня, и он улыбнулся: «Не бойтесь, я не хотел вас пугать, у меня здесь не так много времени, разрешите проводить вас до дома?»

Василиса стояла, огушенная его словами. Он хочет проводить ее до дома? Он – ее? Это не укладывалось у нее в голове, но она молча кивнула. Парень пошел рядом с ней. Василиса исподтишка разглядывала его. Красивый молодой человек, высокий, стройный, темные волосы, слегка вьющиеся, карие глаза, одет с иголочки. Может, конечно, и ничего особенного, но для их глуши он прямо-таки принц. На черном коне. Так думала Василиса, теряясь в догадках, зачем она ему понадобилась и что он делает в их городке. Сначала они шли молча, но молодой человек первым нарушил молчание: «Разрешите узнать, как вас зовут?» – он изъяснялся очень изысканно, у них так было не принято, поэтому речь его резала слух Василисы. Василиса ответила.

«А меня Герман. Такое вот старинное русское имя. А в том магазине вы, наверное, работаете?» – он пытался завязать беседу.

Василиса хотела кивнуть, но решила ответить, подумав, что он сочтет ее глухонемой или, чего лучше, дурочкой: «Да, я не поступила в институт, на исторический, и решила немного поработать. С деньгами у родителей не очень. Правда, пауза затянулась».

Он согласно кивнул: «Да, да, вы молодец. Это очень хорошо. Я думаю, вы обязательно добьетесь, чего захотите, – и без всякого перехода добавил: – А я здесь по делам. Очень милый городок».

Василиса усмехнулась: «Мне так не кажется. Дыра она дыра и есть».

Герман ничего не ответил, просто шел рядом. Василиса хотела спросить его, что ему нужно от нее, но стеснялась. Но, как будто прочитав ее мысли, Герман сказал сам: «Прошу вас, не поймите меня неправильно, может, это покажется странным, но я хотел бы провести с

вами вечер. Завтра я уезжаю, не хочется терять время. Вы мне очень понравились, Василиса. Прошу, не отказывайте, всего один вечер», – и он умоляюще посмотрел на нее.

Василиса даже не могла скрыть своего удивления. Все это было настолько странно и нелепо, что она даже растерялась и не нашла сразу, что сказать. Но, так как он продолжал смотреть на нее, она кивнула: «Только переоденусь. Надеюсь, вы не против?»

«Ну что вы, конечно, нет. Я буду ждать вас около дома. Пожалуйста, не обманите, и не бойтесь, я ничего плохого вам не сделаю», – он взял Василису за руки и легонько пожал. Она улыбнулась, кивнула ему и убежала в дом. Дома никого не было. Отец в командировке – он шофер-дальнобойщик, мама, очевидно, у тети Раи. Но Василиса даже обрадовалась. Она быстренько переоделась, оставила маме записку, чтобы не волновалась, и вышла на улицу. Она не стала особенно выбирать наряд, что-то подсказывало ей, что Герман даже не обратит на это внимание, поэтому надела джинсы, клетчатую рубашку и кеды – так она себя чувствовала комфортнее. Герман стоял на том же месте, где она его и оставила. Василиса подошла к нему, и они пошли прочь от дома.

– Куда пойдем? – поинтересовалась она, – может, на берег? Там очень хорошо. Скамейки. Можно посидеть, поговорить.

– Куда вам будет угодно, я плохо знаю эти места, никогда здесь не был. Но у вас очень красиво, очень! – Герман оживился, было очевидно, что он рад этой неожиданной прогулке.

Они медленно пошли по направлению к реке. Василиса крутила головой направо и налево и с удивлением обнаружила, что здесь действительно очень красиво. Река неспешно протекала среди местами крутых, местами пологих берегов. На обрывах, на самом верху, росли вековые сосны, березки, с уже начинающей желтеть листвой, нежно склоняли свои кудрявые головки вниз, как будто замороженные течением. Они шли по хорошо утоптанной тропинке вглубь парка, и запах первых дней осени уже чувствовался в воздухе. Совершенно особенный запах. Василиса, вдруг осознав всю эту красоту, даже перестала чувствовать себя несчастной неудачницей. Она видела, что Герман тоже искренне восхищен природой.

Они дошли до пустующей скамейки в глубине парка, расположенной на краю небольшого обрыва, и сели на нее. Отсюда хорошо была видна река, чье тихое течение успокаивало и настраивало на философский лад. Еще несколько минут они молчали, и когда молчание уже стало тягостным, Герман заговорил первым: «Вас, наверное, очень удивило мое приглашение? Действительно, немного странно. В первый раз в городе, только увидел девушку и тут же пригласил на свидание. Но не подумайте, я не шизофреник. Просто у меня мало времени, приходится действовать решительно. Иногда все решают секунды. У вас так никогда не бывало? Вы никогда не бывали в ситуации, что если вы что-то не сделаете сейчас же, вы много потеряете, если не все?»

Василиса задумалась. Она хотела сказать, что она всегда боялась действовать решительно. В последний момент она всегда пасовала и, естественно, всегда все упускала. Поэтому она и ничего не имеет. Но кто знает, что ее удерживало? Может, само провидение говорило ей, что время действовать еще не пришло, хватая за руку в последний момент? Ведь если бы она была столь решительна, она бы никогда не встретила Германа. Никогда не знаешь, что лучше. А вслух сказала: «Не знаю, наверное, нет. Просто не было повода. Я фаталистка, верю в судьбу».

Он одобрительно посмотрел на нее: «Я понимаю вас, я тоже верю в судьбу. Но давай перейдем на ты. Ты не против?»

Ну конечно, Василиса не возражала.

«А откуда такое имя – Василиса? Очень редкое. Прямо из сказки. Василиса Прекрасная», – Герман с улыбкой смотрел на нее.

Василиса засмеялась: «Василиса, но далеко не прекрасная. Не льстите мне. Я все про себя знаю. Зеркало в доме есть. А насчет имени, это все мама. Она воспитательницей в

детском саду работает, сказки детям читает. Вот и начиталась. Но мне это имя нравится. Можешь называть меня Вассой, если тебе так удобнее».

Герман махнул на нее рукой: «Господь с тобой. Ты очень красивая, просто не ценишь себя. Мне виднее, я ведь городской житель. У нас такие, как ты, нарасхват, – он пытался говорить ей комплименты, и хотя она знала, что это не так, ей все равно было приятно. «А что ты здесь делаешь? Как могло такого принца занести в наше захолустье?»

И Герман немного рассказал ей о себе. Он приехал из города С, не столица, но крупный промышленный центр. Закончил исторический (!) факультет университета в прошлом году и поступил в аспирантуру. Ему двадцать три года. Занимается научной работой. Здесь он для того, чтобы договориться с местной администрацией о раскопках в районе.

«Понимаешь, – увлеченно говорил он, – здесь, в вашем районе, недалеко от городка, когда-то давно были поселения древних славян, а это тема моей диссертации. Их быт, обычаи, обряды, – все это интересует меня. Но особенно обряды и верования, за этим я и приехал, надеюсь получить разрешение».

Василиса была поражена в самое сердце. Вот это зигзаг судьбы! Археолог! Она определенно увидела в этом перст Божий и, как оказалось впоследствии, не ошиблась.

«А откуда, если не секрет, такая машина? Ты что, на поезде не мог приехать? Это ведь довольно далеко, пару суток точно будет», – Василиса недоумевала.

«А я и приехал на поезде. Но ведь до вас поезд не идет, от ближайшей станции все равно на машине добираться нужно. Мой отец, ты знаешь, довольно известный политик в нашем городе, позвонил в администрацию ближайшего к вам населенного пункта, и мне дали эту машину. Папа любит, чтобы был комфорт. Меня даже на вокзале встретили, как какую-то важную персону. Я был против, но он ничего не желал слушать. Я просто решил не спорить, отец все-таки, так он заботится обо мне. Но ты не обращай на все это внимания, – добавил он уже весело, – я простой парень. Со мной тебе будет легко».

«Надеюсь, – Василиса немного раскрепостилась, – а то я уже было подумала, что это принц на черном коне посетил наш городок. Какая неслыханная удача! И прямо ко мне!»

«Не смейся, – Герман снова стал серьезным. – Конь, между прочим, далеко не нов. Хотя, возможно, все еще способен произвести впечатление. Но, думаю, только в таком захолустье, как ваше. Но я хотел поговорить не об этом. Все эти атрибуты ничего не значат. Васса, Василиса, ты мне правда очень понравилась. Может, я буду выглядеть сейчас не совсем нормальным, но я хочу просить тебя уехать со мной. Нет, нет, не сейчас, – он перехватил ее до крайности изумленный взгляд, – у тебя будет время подумать. Завтра я уезжаю, через неделю приеду, и если ты будешь готова, если ты захочешь, то мы уедем вместе. Я и ты. Ты знаешь, за неделю до приезда сюда у меня было предчувствие, что что-нибудь обязательно случится. Я места себе не находил, и, видишь, предчувствие не обмануло. Я встретил тебя. Не говори сейчас ничего, я понимаю, ты шокирована. Наверно, не веришь мне. Но я ведь ничего от тебя не требую, не тащу в постель. Что тебе здесь делать? А там, в большом городе, у тебя откроются все перспективы. Неужели ты никогда не хотела уехать отсюда? Неужели мир никогда не манил тебя, и все твои мечты ограничивались этим городишкой?» – Герман вопросительно смотрел на нее.

Ей захотелось закричать «ДА!» так, чтобы крик достиг верхушек сосен: «Я только об этом и мечтала! Я ненавижу этот городок, эту жизнь! Я с радостью с ней расстанусь, даже если ты меня обманешь. Только вывези меня отсюда. Я еще молода, еще все можно успеть. Боже, неужели ты услышал меня?!» А вслух сказала: «Твое предложение, и правда, очень неожиданно. Но ты угадал, я действительно хочу выбраться отсюда. Давно хочу. Если ты ангел, то пусть будет так. Я не буду противиться. Ты знаешь, я ведь тоже поступала на исторический, аж два раза, но оба раза провалила. Потом жуткая депрессия, нежелание ничего делать, потом я смирилась, хотела выйти замуж, но тоже не получилось. Вот в таком состоя-

нии полного краха надежд ты меня и застал со своим предложением. Мне уже просто нечего терять. Я согласна, но тебе-то зачем это нужно? Тащить незнакомую деревенскую девчонку с собой, что родители скажут?»

«Я живу один, у меня квартира, а родители ничего не скажут, лишь бы мне хорошо было. Сейчас ведь не средние века. А мне это надо затем, что я не хочу расставаться с тобой. Это очень просто. Не-хо-чу. Вот и все», – Герман смешно вытянул губы, как для поцелуя.

«Ну ладно, – Василиса несколько успокоилась, – пусть будет, как ты говоришь. Через неделю все станет ясно. Если ты серьезно, то я уеду с тобой. Давай больше не будем об этом. Кстати, о раскопках ты договорился?»

Герман погрустнел: «Пока нет, видимо, откладываются на следующий сезон. Поздно спохватились. Скоро дожди начинаются, грязь будет непролазная, а у нас палатки, инвентарь, да и в грязи копать неудобно. Сам не знаю, зачем поехал. Знал ведь, что осень не сезон. Видимо, за тобой», – заключил Герман.

Они оба замолчали. Посидели, глядя на воду. Каждый думал о своем. Начинало темнеть, вокруг них запрыгали тени, что-то зашуршало, становилось немного жутко. Не сговариваясь, они поднялись со скамейки и пошли обратно, в город. Василиса шла задумчиво. Все это напоминало ей какую-то сделку и было не очень похоже на романтическую встречу. Но, наверное, любовь бывает разной, откуда ей знать, утешала себя Василиса. Здесь, во всяком случае, разнообразного опыта не получишь. Главное, я уеду, уеду! От этой мысли ей становилось хорошо и спокойно, она почему-то не сомневалась, что Герман выполнит свое обещание. Да, она несколько не сомневалась. В общем-то, Герман ей тоже понравился. О любви, естественно, еще не было и речи, но она чувствовала, думала, что смогла бы его полюбить. И он тоже интересуется историей. Как она. В такое совпадение трудно поверить, но это так. И Василиса пришла в прекрасное настроение. Новая жизнь ждала ее, она была уже на расстоянии вытянутой руки. Нужно было только протянуть руку и забрать ее. Уж этот шанс она не упустит. Время X пришло, настала пора проявить решительность, и она ее проявит.

Герман проводил ее до дому, старомодно поцеловал руку, и она скрылась в дверном проеме. Матери еще не было. Василиса с аппетитом поела, выпила чай и легла спать. Спала она совершенно спокойно. Среди ночи она проснулась от стука и грохота. Видимо, мать пришла из гостей. Только сейчас Василиса вспомнила, что у тети Раи день рождения, и она звала и ее тоже, но, увлеченная событиями, Василиса совершенно забыла об этом. «Господи, как неудобно, – подумала она, – теперь будет дуться на меня две недели. А впрочем, все равно! Я ведь скоро покину родные пенаты, надеюсь, навсегда!» – и Василиса снова закрыла глаза. Мать возилась на кухне, хлопала дверью холодильника, что-то доставала из посуды, гремела чашками. Вообще-то она вела совершенно трезвый образ жизни, алкоголь не представлял для нее совершенно никакого интереса, но, наверное, тетя Рая, которая была не то что бы любительницей, но всегда не прочь пропустить стаканчик, соблазнила ее, и она не рассчитала дозу. Это Василису не беспокоило. Мать сейчас уснет, а завтра ей будет так плохо, что о спиртном она забудет надолго. Тетя Рая любила нагнать тоску по своей несчастной жизни, видимо, мать и расчувствовалась. Вскоре, действительно, все успокоилось, и в доме установилась глубокая тишина, нарушаемая только пением уличных цикад.

Утром Василиса решила пока ничего не говорить матери. Кто его знает, как все сложится? Мать была страшная болтушка, она непременно сболтнет кому-нибудь у себя в саду, не удержится. А в маленьком городке слухи разносятся с быстротой кометы. И если, не дай бог, ничего не получится, Василиса еще долго будет объектом для насмешек. Люди завистливы и жестоки. И она молчала. Спокойно ходила на работу, приходила домой. Все как всегда. Пока не наступили выходные, а за ними новая неделя, когда должна была решиться судьба Василисы. Герман не взял у нее ни адреса, ни телефона, были только его слова, не подкрепленные ничем. Ей самой вдруг показалось, что это была такая игра. Но зачем? Вот

что было удивительно. Она не видела цели этой игры, и это заставляло ее одновременно и волноваться, и быть спокойной. В воскресенье она начала тайком укладывать вещи, которых было совсем немного. Хотела взять книги, но передумала – если все будет так, как говорит Герман, она купит их там. Мать ее ни о чем не спрашивала, вернее, ей даже в голову не могло прийти ничего такого. Привыкшая за годы однообразного существования к размеренной жизни, она не чувствовала зарождающуюся турбулентность. А Василиса тогда ее почувствовала. Ей показалось, что вихрь сейчас подхватит ее, как домик Эльзы в детской сказке, и понесет в волшебную страну, в вожделенный Изумрудный город.

В понедельник Герман не появился, но Василиса не беспокоилась. Обещанная им неделя истекала в среду, но, если честно, она ждала его только на выходные, путь ведь неблизкий. Но каково же было ее удивление, когда в среду она вышла на работу и увидела возле забора припаркованную черную машину, как будто она приехала ночью и спокойно спала здесь, поджидая ее. Василиса вышла из ворот, но машина не подавала признаков жизни. Пока она размышляла, постучать в стекло или нет, передняя дверь открылась, и из машины высунулся незнакомец: «Вы Василиса?» – Она утвердительно кивнула. «Я шофер, меня Алексеем зовут. Герман сейчас подойдет. Он просил вас его подождать».

Василиса села на скамейку рядом с домом. Сердце ее стучало, как молот. Все сбылось, все сбылось. Сейчас она уедет. Но как же родители? Она ведь ничего им не сказала, мама уже на работе, папа в рейсе. Что же делать? Пока она металась в сомнениях, подошел Герман, сказав, что выполнял поручение отца. «Ты готова? Вещи собраны?» – он был очень деловит и даже забыл спросить ее, согласна ли она ехать. Василисе стало неловко, что ничего не сделала, а вслух она сказала: «Прости, но все-таки это неожиданно, ты ведь ничего не обещал, просто просил подумать. Вещи собраны, но мне нужно предупредить родителей. Я не могу так просто уехать, меня будут искать. И что я вообще скажу им? Куда я уехала, с кем? С первым встречным? Кто меня поймет?» – Василису охватили обычные для нее сомнения. Но Герман вдруг закрыл ее рот своей большой рукой: «Хватит. Замолчи. Я знаю не хуже тебя, что ты этого хочешь больше всего на свете. Поступи решительно хотя бы один раз в жизни, последуй зову своего сердца, и мир откроется перед тобой. Ты же видишь, что я нормальный человек, не маньяк, не мошенник, ну спроси хоть в своей администрации». Василиса немного успокоилась – и правда, что это она? Ждала, ждала, а когда мечта практически исполнилась, испугалась. Дура душой, еще раз подивилась она своей инертности и пугливости. «Хорошо, только давай заедем в садик к моей маме, я попрощаюсь», – она посмотрела умоляюще на Германа. Тот засмеялся: «Ну ты как на войну собираешься. Сейчас не сорок первый. А время у нас еще есть. Самолет завтра утром, ехать до аэропорта часа четыре, так что не торопись. Мы у тебя еще заночуем, успеем с твоими поговорить. Кстати, расскажи мне, кто они?» Василиса тоже засмеялась: «Прости, это от неожиданности, я ждала тебя к выходным. Мама воспитательница в детском саду, я тебе уже говорила, а папа дальнбойщик. А кстати, что мы им скажем? Надо ведь что-нибудь придумать. Правде они, скорее всего, не поверят. К тому же отец сейчас в рейсе, только мама дома. Что сказать, прямо не знаю», – Василиса сделала озабоченное лицо, за всю неделю она ни разу не подумала, что скажет матери, если Герман и вправду приедет.

«Ну, – протянул Герман, – это не проблема. Скажем правду. Я приехал в ваш городок договариваться о раскопках, случайно встретил тебя, ты рассказала мне столько интересного об истории края, что я очень заинтересовался. Узнал, что ты поступала на исторический, и предложил тебе место лаборантки у себя на кафедре, так как я пишу диссертацию и твоя помощь для меня бесценна. Институт даст тебе общежитие, а отработав год, ты сможешь поступить на первый курс исторического. Нормальная версия? И, главное, недалеко от истины. Кстати, как мать-то зовут?»

Василиса была в восторге: «Да ты просто молодец! Я бы никогда не додумалась! Это может проскочить! Но мама до вечера работает, еще полно времени, что будем делать? Может, сходим за ней? Пусть отпросится с работы, посидим, познакомимся, а? Ее зовут Светлана Петровна».

«Хорошая идея, – Герман кивнул, – но сейчас ты пойдешь в магазин и уволишься там, я люблю, чтобы все было, как положено. Ты не должна исчезнуть, как Золушка с бала. Все будет официально. А потом мы пойдем в детский сад, за твоей мамой, и к вам домой. Я не скрываюсь». Так они и поступили. В магазине Василиса нашла заведующую, Нинку, ей повезло, и она была здесь. «Как специально, – подумала Василиса, – никогда ведь раньше двенадцати не появлялась, а тут на тебе! Значит, судьба благоприятствует этой поездке». Василиса изложила Нинке свою просьбу. Та начала было возмущаться, что Василиса дура, и на ее место уже метят три кандидата, но Василиса просто сказала ей, что уезжает навсегда, и челюсть Нинки при этих словах отпала сама собой: «Ну да! – только и нашлась сказать она, – врешь!» Но Василиса заставила ее выглянуть в окно, где в подтверждение ее слов стояла большая черная машина, возле которой прохаживался Герман, красивый и респектабельный. Рот у Нинки так и остался открытым. Василиса не стала вдаваться в подробности своего отъезда – мать потом всем все расскажет.

«Отдай мне трудовую, – сказала она, – потом все расскажу, обещаю. Или у матери спросишь, мы сейчас за ней, в садик. Просто времени мало, извини. Но за все спасибо», – неизвестно почему, Василисе вдруг захотелось поблагодарить Нинку, хотя ничего особенно хорошего та ей не сделала, впрочем, и плохого тоже. И на том спасибо. Нинка наконец выдохнула воздух: «Ну ты даешь, подруга! – восхищенно присвистнула она. – Кто бы мог подумать! Мышка, мышка, а вон как все обернулось! А он кто? – кивнула она в сторону окна. – Красавчик! Где взяла-то, расскажи».

«Потом, потом, некогда, я еще забегу», – Василиса поморщилась. Ей, конечно, было неприятно, что она назвала ее мышкой, но она и сама знала, что все ее таковой считают, так что незачем обижаться. Тем более что ей уже все равно, пусть думают, что хотят. И пусть такие красивые сидят в своем захолустье, а она, мышка, уедет. «Тоже мне, королева», – с неприязнью подумала Василиса, но через минуту, получив трудовую книжку, забыла о своей обиде. Победитель должен быть великодушен. Это его особая привилегия. И она будет такой. Она – победительница!

Василиса вышла на улицу, помахивая перед собой куском картона. Герман стоял около машины и курил. Когда она подошла, он открыл ей дверь и галантно подал руку, чтобы она села. Василиса подумал, что Нинка, наверное, пускает слюни возле окна.

Они подъехали к детскому саду и вышли из машины. Дети как раз гуляли. Мама была с ними, и зрелище выходящей из машины дочери поразило ее до самой глубины души. Василиса подбежала к забору: «Мама, мама, у меня для тебя новость! Я не могу здесь говорить, отпросись домой, там я все тебе расскажу!» Мама еще не оправилась от шока, поэтому застыла, как в столбняке: «Доченька, – только и смогла произнести она, – надеюсь, новость хорошая?»

«Просто отличная! Сама увидишь! Давай скорее домой, а я в магазин, и тоже приду, там и встретимся!» – Василиса оставила изумленную мать и побежала к машине. «Может, в магазин, возьмем чего-нибудь?» – она обратилась к Герману, сидящему на заднем сиденье. Тот призывно махнул рукой: «Залезай, поедem. Я, в общем-то, все взял с собой, но поедem, сделаем напоследок приятное, поднимем выручку вашего магазина на недостижимую высоту!» Василиса была ему очень признательна. Они сели в машину и, мягко шурша шинами по асфальту, поехали. «Может, она и старая, – подумала Василиса про машину, – но здесь производит убийственное впечатление».

А слухи неслись по городку со скоростью света. Они зашли в сельмаг, купили, чего только могли и чего не могли. Ей так и казалось, что все, кого она встретила, шепчутся за ее спиной: «Василиса уезжает, Василиса уезжает!» И, скорее всего, это было именно так.

Когда они пришли, оживленно переговариваясь, мать уже была дома. Василиса познакомилась с Германом, и они начали накрывать на стол. Герман выложил закуски, бутылку дорогого вина, конфеты. От изобилия у матери разбежались глаза. Нельзя сказать, чтобы они совсем ничего не видели, отец иногда привозил из поездок что-нибудь вкусненькое, но так как был прижимист, особенно много им не перепало. Как только сели, мать вопросительно посмотрела на дочь: «Ну, мол, что скажешь? Что все это значит?» Василиса поняла ее и открыла рот, чтобы начать объяснение, но ее остановил Герман: «Разрешите мне, уважаемая Светлана Петровна, – начал он. – Я понимаю, что все это прозвучит очень необычно, но такова жизнь. Она, к счастью, или к несчастью, полна сюрпризов. Но не беспокойтесь, в данном случае сюрприз хороший», – и он изложил версию, накануне высказанную им Василисе. Мать молча слушала. Когда Герман закончил, она решилась спросить: «А вы, что же, только за ней приехали? В такую-то даль, за лаборанткой?» – в ее голосе сквозило недоверие.

Герман откашлялся: «Нет, что вы, у меня здесь были дела, и я сказал Василисе, что буду через неделю и заберу ее с собой. Она, что, вам ничего не говорила?» Мать покачала головой: «Нет, ничего». Но тут в разговор вступила сама Василиса: «Мама, прости, я не решилась тебя беспокоить раньше времени. Ничего было не ясно, я не думала, что Герман всерьез, да ты и сама удивилась, а представь, каково мне».

«Ну вот что, – мать Василисы поднялась со стула, – не могли бы вы, молодой человек, показать мне ваш паспорт? А тебя, Василиса, я не куда не отпускаю!» – мать сделала неумолимое лицо.

Герман порылся в сумке и протянул ей документ. Она принялась изучать его. Василиса не вытерпела: «Мама! Я уже все решила. Я еду, хочешь ты того или нет. Мне не пятнадцать лет. Я не намерена провести здесь всю свою жизнь! Неужели ты не понимаешь?!»

Мать устало опустилась на стул. Она чувствовала, что дочь права, и понимала, что та уедет, во что бы то ни стало. Но ей было хорошо здесь, хорошо и спокойно, она любила мужа и никогда не мечтала о чем-то большем, чем имела. Она наивно полагала, что и дочь сможет быть счастлива здесь, но, увы, дети думают иначе, чем родители. Еще некоторое время она молчала, а потом заговорила: «Я знаю, доченька, тебе всегда хотелось большего. Я тебя не осуждаю, это твоя жизнь. Я не смею тебя задерживать. Я просто очень боюсь за тебя. Ты же его совсем не знаешь!» – и она заплакала. Герман и Василиса принялись наперебой утешать ее.

«Ну хорошо, – сказал Герман, – пойдемте со мной». – Он взял Светлану за руку и потащил на улицу, оставив Василису одну за столом и кивнув ей, чтобы ждала и не нервничала. На улице он усадил Светлану в машину и через пару минут они припарковались возле здания местной администрации. Выйдя из машины, Герман повел удивленную женщину вовнутрь, прямо в кабинет председателя поселкового совета. Тот оказался на месте: «Привет, Петровна! Какие у тебя гости! Не знал, что вы знакомы. Ну, проходите, проходите, зачем пожаловали?»

Первым заговорил Герман: «Извините, что я вас беспокою, но объясните, пожалуйста, этой женщине, что я не проходимец. Что я ученый, археолог, хочу вести у вас раскопки».

Председатель закивал головой: «Истинная правда, Петровна! Его батя в городе большой человек. Меня просили встретить Германа Никитича и, по возможности, не отказать. Но, кажется, мы все обговорили?» – Он немного испуганно посмотрел на Германа, видимо, ожидая подвоха. Герман улыбнулся: «Все в порядке, – и, обращаясь к Светлане, – видите?» Светлана немного смутилась, посмотрела на председателя: «Извини, нам пора, я все поняла, идемте». – Она взяла Германа под руку и увлекла к выходу.

Они молча сели в машину, как верный пес поджидавшую их возле конторы, и поехали обратно. За столом их поджидала немного взволнованная Василиса: «И куда это вы ездили?» Мать загадочно улыбнулась: «Прости, доченька, наверное, тебе, и правда, счастье улыбнулось! Ты ведь так хотела поступить на исторический! Я помню, как ты расстроилась тогда, что провалилась. Но, видимо, Бог услышал тебя», – и Светлана снова заплакала.

«Господи, мама, Герман! Да что происходит?! Может, вы мне объясните, наконец?!» – Василиса начинала терять терпение. Герман положил руку ей на плечо: «Не волнуйся так, просто я предъявил твоей маме неопровержимые доказательства, что я и есть тот, за кого себя выдаю. Правда, Светлана Петровна?» Мать кивнула, молча вытирая слезы. Тушь с ее ресниц потекла, отчего лицо приобрело немного жуткий вид, как в дурном фильме ужасов.

«И где же вы были, если не секрет?» – Василиса непременно хотела все знать.

Ответил Герман: «Не секрет. В вашей управе, у председателя. – И обращаясь к Светлане, добавил: – Светлана Петровна, умойтесь, пожалуйста, и давайте наконец нормально поужинаем, я жутко проголодался тут с вами».

Светлана подчинилась, и через несколько минут они сели за стол. Герман вышел на пять минут – отпустить шофера и договорился, что к трем часам он подъедет за ними – утром у них был самолет.

Остаток вечера они провели в теплой, семейной атмосфере. Хотя Герман и не представлялся женихом Василисы, мать почему-то решила, что он не равнодушен к ее дочери и именно поэтому хочет ее забрать. Но, откровенно говоря, она была даже рада такому повороту событий. Она прекрасно видела, что ее Василиса просто чахнет здесь, не находя себе достойного применения. И с замужеством не получалось. То ли Василиса не интересовала парней, то ли они ее, но факт оставался фактом, замуж ее никто не звал. Светлане было очень жаль дочь, но помочь она ничем не могла. Средств для поступления на платное отделение у нее не было. И тут словно ангел спустился с небес и протянул им руку помощи, и Светлана вдруг каким-то шестым чувством внезапно ощутила – дочь должна ехать во что бы то ни стало.

«Ой, и что я только отцу скажу, когда он вернется? Ну да ладно, что-нибудь придумаю», – и Светлана, ощутив мощный прилив энергии, вдруг рывком встала из-за стола, подошла к старому шкафу для посуды и достала оттуда самодельной вишневой наливки. Эту наливку она доставала только по великим праздникам, так как очень гордилась старинным рецептом ее приготовления, переходившим в их семье по наследству и только по женской линии. Если в семье на протяжении трех поколений не родится ни одна девочка, рецепт будет утерян. Делалась наливка очень долго, в какие-то особые дни по лунному календарю, получалось ее не очень много, поэтому ее берегли. Светлана записала рецепт и Василисе, но та никогда еще ее не делала. Она не верила в бабушкины сказки, а к семейным ценностям проявляла завидное равнодушие, но рецепт взяла и хранила у себя в бумажнике, так, на всякий случай.

Светлана с гордостью поставила бутылку на стол. Бутылка тоже была особенной, очень старинной, доставшейся ей по наследству.

«Ну что, дети мои, давайте выпьем по маленькой? Это настойка особенная, Василиса знает, – она обращалась к Герману. – Очень старый рецепт. Прямо из глубины веков. Мне его моя мама завещала, а ей ее и так далее. И, кроме того, вкусытина необыкновенная! В магазине даже за большие деньги такого не купишь. Ну, попробуем?»

Герман и Василиса с готовностью подставили рюмки. Светлана ждала, скрестив руки на груди, пока они выпьют: «Ну, как?»

Герман закатил глаза от удовольствия: «Просто чудо! Вкус очень странный, неужели это все вишня? Может, поделитесь рецептом? У меня мама обожает все такое. Собирает разные рецепты и готовит. Даже книгу хотела выпустить».

Светлана улыбнулась, и сказала, что не может этого сделать, даже если бы очень хотела: «Это наша семейная тайна. Мы передаем этот рецепт из поколения в поколение. И только девочкам. Но Василиса его знает. Если хорошо попросите, она вам в городе сделает. Правда, дочка?»

Герман с любопытством посмотрел на Василису: «О, да у вас и тайны есть? Да еще и древние! Да ты просто клад для меня! Я ведь диссертацию пишу о верованиях и обычаях древних славян. А ты, оказывается, еще и носитель традиции поколений. Может, ваши далекие предки были ведунками или травниками? Не исключено. Уж не колдунья ли ты, Василиса?»

Василиса досадливо махнула рукой: «Прекрати, Герман, не болтай глупости! Тебе, наверное, наливка в голову ударила. Нашел колдунью. Может, я была бы и рада ей быть, но, увы! Да это, собственно, и не обычай никакой, так, переходит рецепт из поколения в поколение. Обыкновенная настойка. А все остальное мы придумали, чтобы не скучно было. И чтоб изюминка хоть какая-то была. А то все в деревне начнут делать, и тогда не так вкусно будет». Тут взгляд Германа упал на бутылку: «А это откуда? Похоже, очень старая, даже деревянная! Вот так чудо! Не ожидал здесь такого увидеть! И все-таки, откуда?» – повторил он свой вопрос.

Светлана пожала плечами: «Сама не знаю, откуда. Мне мать ее отдала, ей – ее, вместе с рецептом. Мы в ней вино делаем. Так всегда было. Вот и я соблюдаю традицию». Герман взял бутылку в руки, повертел. Грубая деревянная посуда, ее и бутылкой-то с большой натяжкой можно назвать, на бочонок больше похожа. Тут вмешалась Василиса: «Ну, хватит об этом! Спать пора, поздно уже, нам же ночью ехать, надо хоть подремать немного. А ты, Герман, потом с мамой еще поговоришь. Ты ведь приедешь на следующий сезон сюда на раскопки, вот все подробно и расспросишь».

Герман и сам чувствовал, что глаза слипаются, и кивнул утвердительно. Мать постелила ему в гостиной, Василиса ушла в комнату, а сама она осталась на кухне. Чтобы не проспать, завели будильник.

Этой ночью странный сон привиделся Василисе. Она увидела много девушек и юношей в старинных русских одеждах – сарафанах и льняных рубахах. Они бегали по березовой роще, видимо, играли в догонялки. Когда парень догонял девушку, он целовал ее в губы, а та вырывалась и снова убегала. Василиса видела все это как будто со стороны, ей очень хотелось поучаствовать в играх, к тому же один русоволосый парень очень ей нравился, но она почему-то не могла. Из своего укрытия она видела, как этот парень все время догоняет одну и ту же красавицу, и ревность душила ее.

Проснувшись Василиса от громкого звонка – это будильник трещал во всю мощь. Герман и мать спали, как убитые. Она вышла из комнаты, наспех одевшись, и разбудила мать и потом и Германа. Герман вскочил, как ошпаренный, испугавшись, что они проспали, но Василиса успокоила его. В кухне было уже убрано, бутылка с настойкой исчезла в шкафу, они выпили чаю и вышли на улицу. Мать вышла с ними.

– Ну, как спалось? – спросила Василиса Германа, – кошмары не мучили?

– Да нет, все нормально, только голова немного болит, но ничего, пройдет, это не проблема, – Герман выглядел немного уставшим.

– Что-то вы оба неважно выглядите, – мать обеспокоено переводила взгляд с Германа на дочь. – Может, выпили лишнего? Да вроде все в меру было, – сокрушалась Светлана.

– Мам, не переживай, – Василиса пыталась успокоить мать, – просто намешали. Твоя настойка крепкая оказалась. Сейчас все пройдет, не волнуйся. – Она поцеловала мать: – Я как только доеду, тебе позвоню, а потом сообщу адрес и телефон. Все будет хорошо. И папу успокой».

Подъехала машина. Герман погрузил вещи в багажник, пожал руку Светлане, еще раз заверил ее, что с дочерью будет все нормально, и они отъехали. Светлана еще долго стояла на дороге, глядя вслед удалявшейся машине. «Только бы дочь была счастлива, – думала она, – а здесь она вряд ли свое счастье найдет». После того как машина окончательно скрылась из виду, она постояла еще немного и, зябко поежившись, ушла в дом.

Василиса с Германом сидели на заднем сиденье. Василисе казалось, что у нее немного поднялась температура. Но она приписала это дорожным волнениям. На здоровье она никогда не жаловалась. Жизнь вдали от крупных промышленных центров накладывала свой отпечаток. Лицо у Германа тоже чуть покраснело, но Василиса не решилась спросить его о самочувствии, они были еще не достаточно близки и она стеснялась. Всю дорогу до аэропорта они ехали молча, обмениваясь только незначительными фразами. Василиса чувствовала себя немного подавленной, она никогда не летала на самолете и немного побаивалась. Герман подшучивал над ней. В аэропорту им обоим стало лучше, в дороге они пили много воды, которую покупали в каждой круглосуточной забегаловке – обоих мучила нестерпимая жажда.

«Да, перепили! – думала Василиса. – Хотя, что мы там выпили? Настойка очень уж крепкая. Странно, но я никогда раньше ее не пробовала. Мать вроде доставала, по рюмочке, но я не пила. Я вообще спиртное не переносу. Просто сейчас случай особый, когда еще увидимся?» – Василиса непроизвольно вздохнула. Герман похлопал ее по руке, все позади, скоро взлетим.

Потом был салон самолета, перелет. Странно, но Василиса совершенно успокоилась, когда поднялась по трапу и села в кресло. Она не волновалась: и когда завелся двигатель, и когда самолет начал набирать высоту. Наоборот, в небе она почувствовала себя совершенно счастливой. Самолет летел выше слоя облаков, и Василисе казалось, что это она парит в небе, это у нее огромные крылья и хвост, она управляет ими по своему усмотрению. Герман рядом мирно спал. Долетели они без особых приключений. В аэропорту города С Герман взял такси и они доехали до его квартиры. Отсюда у Василисы и началась новая жизнь.

* * *

Квартира состояла из двух комнат. Герман постелил Василисе в спальне, а сам лег в зале. С непривычки Василиса долго не могла уснуть. Ей вдруг стало страшно от того, что она наделала. Она одна в незнакомом городе, с малознакомым человеком, которого и видела-то всего два раза в жизни. Ее постоянная неуверенность в себе вспыхнула с новой силой. Что она сотворила! Но она уже была здесь, и рассуждать было поздно. Кое-как она забылась тревожным сном. Герман ее не беспокоил. Утром она проснулась достаточно поздно, никто ее не будил. В квартире стояла непривычная тишина. Василиса окликнула Германа, но никто не отозвался. Она порылась в вещах, достала халатик, накинула его и вышла из комнаты. Германа нигде не было. Она прошла в кухню, на столе лежала записка: «Прости, нужно было срочно в институт, скоро буду, не скучай, еда в холодильнике. Осваивайся. Герман».

Василиса открыла холодильник, он был забит до отказа всякой всячиной. Василиса сделала бутерброд, вскипятила чай и села завтракать. Ее страх понемногу прошел, уступив место блаженному расслаблению от неведомой откуда свалившегося на нее счастья. Она была довольна. Не успела она позавтракать, как входная дверь открылась, и зашел Герман. Василиса снова обратила внимание, что он весьма не дурен собой. Если бы не слегка злое выражение глаз, его можно было бы назвать красивым. Но это его не сильно портило, всего чуть-чуть, а впрочем, даже придавало некий шарм.

«Ну, освоилась? Поела? – Герман засыпал Василису вопросами. – Все нашла? Надеюсь, не испугалась? Не жалеешь, что согласилась приехать?»

«Полегче, полегче, – Василиса засмеялась, – все хорошо, я всем довольна. Расскажи мне, пожалуйста, о наших с тобой дальнейших планах. Я ведь не могу вот так сидеть у тебя целыми днями, как царевна Несмеяна в золотом тереме. Что ты собираешься со мной делать?»

Герман немного задумался: «Прежде всего, я хочу есть. Я со вчерашнего дня ничего не ел. Позвонили с работы, и я выскочил из дому натошак. Сейчас мы с тобой поедим и пойдем по магазинам, тебя нужно одеть. Нет, нет, – он замахал руками, видя как Василиса недоуменно приподняла бровь, – у тебя, конечно, есть одежда. Но, знаешь, здесь все-таки не там, своя мода, свой стиль, знаешь ли. Стиль большого города, ха-ха. Не нужно слишком выделяться. Мы сделаем из тебя настоящую городскую принцессу. А на выходные мы пойдем знакомиться с моими родителями, если ты, конечно, не против. Я сам все им расскажу, заранее, так что не бойся, они будут подготовлены. А о дальнейшем я расскажу тебе потом, не нужно забивать голову большим количеством информации. Но если в двух словах, то ты поступишь в институт, мы поженимся и будем жить долго и счастливо. Вот и все планы. Как тебе?».

«А мы не слишком торопимся? – Василиса нахмурилась. – Мы едва знаем друг друга. Может, стоит повременить? А то родители и все такое. Может, я не готова? Поживем немного вместе, привыкнем, у нас все так делают».

«Нет, Василиса, нет, – Герман стал очень серьезным. – Когда ты согласилась сюда приехать, ты тем самым согласилась с моими условиями. В нашей семье не принято жить просто так. Мы несколько старомодны. А я не хочу нарушать традиции. Более того, я даже не прикоснусь к тебе до свадьбы. Вот так. Все должно быть в рамках приличий. Пожалуйста, не противься».

Василиса была немного шокирована: «Но ты не говорил о каких-то особых условиях, ты просто предложил увезти меня, вот и все. Мы ни о чем не договаривались. Ты предложил уехать с тобой, я согласилась, вот и все. Я ничего не понимаю».

Герман тяжело вздохнул: «Прости, все, что ты говоришь, правда. Может, я не так выразился, я, естественно, не ставлю тебе никаких условий. Ты вправе все решать сама. Но принимая решение, ты ведь догадывалась, что будешь, э-э, немного зависеть от меня, ну хотя бы первое время. Я ведь сказал тебе, что ты понравилась мне. Ну а ты знаешь, эта квартира принадлежит моим родителям, и они постоянно сюда заходят. Я же говорил тебе, что наша семья старомодна, и присутствие незнакомой девушки в доме будет для них, мягко говоря, неприемлемым. Попросту говоря, они не поймут. Василиса, – он взял ее за руку, – прошу, стань моей женой, я полюбил тебя с первого взгляда. Я всегда мечтал о такой девушке как ты – скромной, простой, из провинции. Настоящей тургеневской девушке. У нас с тобой все получится. Ты ведь хотела семью, детей, мечтала о замужестве. Теперь твоя мечта сбывается, пусть и несколько необычным образом, а ты испугалась», – и Герман просительно заглянул Василисе в глаза.

Василиса была тронута. Она примерно на это и рассчитывала, но вдруг ей захотелось покапризничать. Зачем? Она и сама не знала. Глупая деревенская дура. К ней такой мужик сватается, а она морду воротит, укорила Василиса сама себя, а вслух сказала: «Да, извини, Герман, я все понимаю, и я согласна. Пока я не уверена насчет любви, я не могу так быстро, но ты мне очень нравишься. А ты точно уверен, что твои родители будут не против?»

«Ну, конечно, я уверен. Они мне все уши прожужжали про невесту. Им хочется, чтобы за мной кто-нибудь присматривал. Кормил, заботился, и все такое, – Герман взял Василису за руку, – ты им очень понравишься. Я знаю ».

Василиса вздохнула: «Я ведь из очень глухой провинции. Ни ступить, ни молвить не умею. Боюсь, мне будет трудно вписаться в ваш круг. Серая, серая мышка, совсем незамет-

ная. Они спросят: «И где ты ее нашел?» А ты что скажешь? Правду? Или выдумаешь, что я из оч-е-ень хорошей семьи сельских интеллигентов?»

«Василиса, – Герман посмотрел на нее осуждающе, – ты себя совсем не ценишь. Ты никакая не мышь, и тем более не серая. Если ты согласишься в зеркало, то увидишь там довольно хорошенькую брюнетку. Брюнетку, а не серую мышь. Запомни это. А что до твоего происхождения, я скажу им правду. Они мечтали о девушке из глубинке, не испорченную цивилизацией. Они будут безумно рады. Они все время боялись, что я найду местную стерву, которая будет мной вертеть, как выражается мама. Ты же сама доброта, на стерву никак не тянешь. Я только скажу им, что ты собиралась поступать в институт на следующий год, а я уговорил тебя приехать со мной. Так тебя устраивает?»

«Вполне, – Василиса была довольна. – Ладно, хватит препираться, я все поняла. Все смеются, все довольны, все хотели провинциалку. То есть ваша семейная мечта тоже сбылась. Хорошо, когда все сбывается. Садись, я сейчас бутербродов нарежу и кофе сварю. Или ты предпочитаешь чай? Говори, не стесняйся, мне ведь нужно знать, что ты любишь, что ты ешь, когда встаешь и так далее. Ты же мой жених. Раз уж так получилась, будем узнавать друг о друге на ходу», – болтая, Василиса нарезала бутерброды.

«Сегодня можешь сварить кофе, нужно взбодриться с утра, а так я чай люблю, – Герман закинул в рот бутерброд с колбасой. – А вообще-то я не привередлив. Ем все и всегда. Мясо люблю. Борщ горячий. Пельмени. На работу ухожу не очень рано, обедаю часто в городе, ужин всегда дома. Спиртное не люблю, пью очень мало и то по праздникам. А ты что любишь?»

Василиса задумалась. Что же она любит, в самом деле? Никогда не придавала значения еде. Ела, что мать готовила. «Не знаю, – протянула она, – мне все равно, что есть. Мама, в основном, готовила. Но ты не бойся, – она предупредила вопрос Германа, – я буду стараться. В конце концов, есть поваренные книги. Я научусь. Голодать не будешь, и сидеть на полупабрикатах тоже. Иногда, на праздники, я помогала матери, готовила некоторые блюда, все хвалили».

«Надеюсь, – Герман усмехнулся и шутливо погрозил Василисе пальцем, – смотри, не обмани потом. Я люблю, чтобы вкусно было».

Они поели, выпили кофе, сваренный Василисой и оказавшийся весьма неплохим. Герман похвалил ее за первые успехи. Потом Василиса вымыла посуду, убрала со стола и пошла в комнату собираться для похода по магазинам. Герман ждал ее в зале. В комнате она еще раз критично осмотрела себя в зеркало. Может, Герман прав, и она не такая уж и дурнушка? Пожалуй, излишне крепкая и немного коренастая, широкая в кости, но, может, в этом ее шарм? Герман тоже не хрупкого телосложения. Ноги не очень длинные, но, говорят, такие дамы более сексуальны. Черные волосы, несколько диковатые карие глаза, к тому же еще и широко расставленные. Ничего примечательного она в себе не нашла. «Но, наверное, не хуже других, – подумала Василиса, – отдаленно напоминая первобытную красавицу. Ну, пусть хоть и так. То, что у нас именуется «так себе», у них, видимо, называется «самобытная». Во всяком случае, нестандартная, и то уже хорошо», – успокоила она себя.

Василиса порылась в сумке, но кроме джинсов и клетчатой рубашки не нашла ничего подходящего. Остальное показалось ей очень уж провинциальным. Она надела выбранную одежду и вышла из комнаты. Герман окинул ее критическим взглядом: «Молодец, выбрала беспримысленный вариант. Здесь многие так одеваются. Особенно молодежь. Унисекс называется. Ну, пойдем. Я беру на себя смелость посоветовать тебе другой стиль одежды. Надеюсь, тебе он придется по душе. Хочу видеть тебя сногшибательной. У тебя такая необычная внешность. Какая-то дикость ощущается», – он будто прочитал мысли Василисы о ее облике и добавил с большим чувством: – Ты очень красивая девушка!»

Они вышли из дома, и Василиса смогла лучше рассмотреть окрестности. Вчера она так устала, что даже не обратила внимания на окружающий пейзаж. А сегодня ей было интересно. Она никогда не была в этом городе. Тот город, куда она ездила поступать, был поменьше, он тоже, по большому счету, считался провинцией. А это был большой промышленный центр. Их дом располагался в центре. Это сразу чувствовалось. Кругом были магазины, какие-то офисы, прямо перед их домом проходила оживленная магистраль. Но было очень зелено, клумбы украшали осенние цветы, радующие глаз яркими красками. Много было и зданий старинной постройки, они очень живописно выглядели и приятно оживляли город, делая его живым и уютным. Это было то немногое, что Василиса успела увидеть, пока они шли на стоянку за машиной Германа. Стоянка располагалась недалеко от дома. Она была большой, машины стояли плотно, как солдаты в строю. Только форма была совершенно разной, как в народном ополчении. Пробравшись между этих железных чудовищ, Герман подошел к небольшому красному автомобильчику. Василиса не разбиралась в марках, но машинка была чудо как хороша. Ей даже показалось, что она немного маловата для крупного Германа. Но Герман перехватил ее недоуменный взгляд и улыбнулся: «Не люблю огромных машин. А эту очень просто всунуть во всякую дырку. В городе удобно. Но красный цвет обожаю. Хороша малышка, правда? Внутри она очень вместительная. Сама сейчас увидишь». Он сел в машину, завел двигатель и легко выехал со своего места. Василиса ждала его в проходе. Он открыл ей переднюю дверь, и она села. Внутри, действительно, было очень комфортно. Мягкие сиденья, панель приборов так и светилась зелеными и красными огоньками. Так началось ее первое знакомство с городом, городом, с которым следующие десять лет будет связана ее жизнь. Так как она совершенно не знала ничего в городе, Герман повез ее в тот магазин, который счел наиболее подходящим. Машину он вел уверенно, но немного нервно – постоянно чертыхался, если кто-нибудь, по его мнению, вел себя неподобающе. Василиса не обращала на это внимания. Она с любопытством разглядывала улицы из окна машины, город показался ей огромным и чистым. Но, может, это просто Герман вез ее по центральным улицам, где поддерживали чистоту, дворики в глубине из окна она не могла видеть.

До первого магазина они добрались минут через двадцать. Внутри все блестело и сверкало, от обилия стекла Василиса даже растерялась. Ей стало неудобно, она почувствовала себя дремучей и забитой. До двадцати трех лет дожила, а в подобном магазине никогда не была! Там, где она поступала, магазины, конечно, были, но ходить в них Василисе было некогда, да и денег было в обрез. Ради любопытства она, конечно, зашла в парочку, но тогда они не произвели на нее такого впечатления, как сейчас. Герман взял ее за руку и повел по лабиринту проходов в какой-то отдел. Если бы Василису заставили прийти сюда снова одну, она вряд ли бы нашла этот отдел. Отдел был небольшой, но очень уютный. На вешалках в изобилии висела одежда, но Василиса надеялась на Германа. Она совершенно не знала, что носят в больших городах, и не хотела ударить в грязь лицом перед молоденькими продавщицами. Герман легонько подтолкнул ее к вешалкам и шепнул на ухо: «Выбирай». Василиса так же тихо ему ответила: «Что выбирать? Я не знаю».

«Сейчас, подожди, я постараюсь помочь, – и он подошел к одной из продавщиц. – Девушка, вы не поможете нам?» Та с готовностью подошла к Василисе и очень доброжелательно обратилась к ней: «Что бы вы хотели? Какой стиль предпочитаете?» За нее ответил Герман: «Нам бы хотелось повседневный комплект, такой, знаете ли, для походов в институт, по городу, в общем, на каждый день, пару торжественных нарядов и еще что-нибудь для загородного отдыха. Поможете подобрать? А я здесь подожду», – и он уселся на небольшой диванчик в глубине комнаты, но так, чтобы видеть, что предлагают Василисе. Девушка начала снимать с вешалки наряды и расхваливать их Василисе, при этом она без умолку трещала, расхваливала фасон и качество материала. Но Герман оказался очень придиричив. Он отверг

все вещи, предложенные продавщицей, наконец, не вытерпел, встал со своего места и подошел к Василисе. Каким-то немыслимым жестом он вытащил из глубины этого моря тряпок нечто и протянул Василисе: «Иди, примерь, а я пока еще поищу что-нибудь, – и, обращаясь к девушке-продавцу, добавил: – А вам большое спасибо, если что-нибудь понадобится, мы вас позовем». Та ушла, слегка раздосадованная тем, что не смогла угодить вкусу покупателя. Минут через сорок бесконечных примерок искомые наряды были наконец выбраны. Это оказались брюки, строгий костюм, парочка блузок, рубашек и какое-то немыслимое выходное платье. У Василисы никогда такого не было, и чувствовала она себя в нем неловко. Платье было очень агрессивным, пестрой расцветки, но с преобладанием красного, любимого цвета Германа. Когда Василиса вышла в нем из примерочной, Герман даже покраснел от удовольствия: «Господи, как тебе идет! Просто прекрасно! Какое чудное платье!» Василиса не находила его особенно чудным, но спорить не стала, ему виднее. Наверное, оно очень модное. К тому же сидело, и правда, хорошо. Они расплатились за покупки и пошли в другой отдел, где купили одежду для отдыха, которая понравилась Василисе гораздо больше. В ней она чувствовала себя достаточно комфортно. В этом же магазине они купили и несколько пар обуви, белье, одежду для дома, сумочку. Наконец, спустя несколько часов блужданий, нагруженные пакетами, они вышли на свежий воздух.

«Уф, – Герман с шумом выпустил воздух, – ненавижу магазины. Слава богу, с этим покончено! А сейчас домой, домой, домой. Продукты в холодильнике есть, приготовишь что-нибудь на ужин, посмотришь телик, а я на работу сбегая. А вечером приду, и мы с тобой по-семейному поужинаем. Заодно наряды примеришь пока меня нет, в спокойной обстановке. Идет?» Василиса кивнула. Она тоже чувствовала усталость и была не против даже поспать еще немного.

«А во сколько ты придешь?» – она задала ему этот вопрос уже в машине, когда все сумки были уложены в багажник.

«Часов в семь-восемь, не раньше, – Герман лавировал между машин, – а ты отдохни, осмотришься. Если не хочешь готовить, не нужно. Так что-нибудь перекусим».

За разговорами Василиса не заметила, как они оказались около дома. Герман выгрузил пакеты из багажника, взял их в руки, и они зашли в подъезд. Несколько секунд на лифте, и они в квартире. Герман перенес покупки через порог: «Ну все, пока, не скучай, я скоро». Дверь захлопнулась, и Василиса осталась одна.

Ей вдруг стало грустно и одиноко. Все чужое. И она здесь чужая. На нее опять нахлынула депрессия. «Ну что ты будешь делать, – укорила она себя, – все тебе не так да не эдак. Там тебе плохо – глушь и тоска, здесь тебе плохо – никто не развлекает, не бегает вокруг. Что хотела, то и получила. Радуйся, дурында. Иди жениху ужин готовь, а то передумает и отправит назад». А назад Василисе хотелось все меньше. Она отнесла покупки в спальню и поставила возле кровати. Мерить пока не хотелось, в магазине надоело. Она переоделась и пошла на кухню. В холодильнике нашла мясо, овощи картошку. Решила, не мудрствуя лукаво, приготовить картошку с мясом. Это она умела. Пока мясо размораживалось, она начистила картошки и поставила ее варить, нарезала салат. Через два часа ужин был готов. Василиса попробовала и осталась довольна. Времени до вечера еще было много, она села посмотреть телевизор и, незаметно для себя, уснула.

Герман пришел, как и обещал, около восьми часов. Она накрыла на стол, и они сели. «Совсем как муж и жена, – подумала Василиса, – теплый семейный ужин». Ей стало уютно и хорошо. Герман похвалил еду, попросил добавки: «А говорила, ничего не умеешь. Врала?»

«Нет, что ты. Просто мой арсенал блюд весьма скуден, я равнодушна к еде. Могу одно и то же неделями есть, – Василиса посмотрела на Германа: – Вкусно?»

«Весьма. Я даже удивлен. Приятно, конечно. А ты одежду не мерила? – Герман наконец наелся и отложил ложку в сторону. – А теперь чай. Ты заварила, я надеюсь?»

«Заварила. Что-что, а это я умею. Мама научила. Она мне в сумку разных трав положила, чтобы вкуснее было. Ты такого чая никогда не пил, – Василиса поставила чашки на стол, и осторожно стала наливать в них чай из большого заварочного чайника. – Тебе покрепче, или водой разбавить?»

«Покрепче. Не надо водой разбавлять», – Герман убрал свою чашку и тут же отхлебнул из нее большой глоток.

«Ну, как?» – Василисе не терпелось услышать его мнение относительно заварки.

«Прекрасно. А что ты туда добавила? Может, зелье какое, чтобы я превратился в чудовище?» – Герман, улыбаясь, смотрел на Василису.

«Господи, да ты просто помешан на зельях и чудовищах. Мы не в каменном веке живем. Чудовища теперь в людском обличье бродят, их сразу не узнаешь, – и без всякого перехода добавила: – Спать как вчера будем?»

«Да, и так до самой свадьбы. Слушай, а надень, пожалуйста, то платье, что мы купили. Ну, красное. Я еще хочу посмотреть. Завтра ты пойдешь в салон красоты, уже без меня, тебе прическу нужно придумать. А в том платье я весь твой облик сразу вижу. Надень, пожалуйста».

Василиса молча встала и ушла в спальню. Она достала платье из пакета, надела его и вышла к Герману.

«Восхитительно! Тебе очень идет! – он присвистнул от удовольствия. – Повернись задом. О, какие формы! И ты еще уверяла меня, что некрасива? Ты просто ничего не понимаешь».

Василиса и сама уже начинала ему верить. Мужчины лучше разбираются в женской красоте. Какая ей разница, что о ней думают женщины? Она не собирается им нравиться, она хочет нравиться Герману. И, кажется, ей это удастся.

«А какую прическу ты мне придумал? – Василиса надула губки, решив пококетничать. – Ты уверен, что мне пойдет?»

«Ты сделаешь ступенчатую стрижку, такую короткую, рваную, знаешь. Волосы можешь чуть-чуть подкрасить, для интенсивности цвета. Челку до бровей. Будет просто отлично», – Герман оценивающе смотрел на нее, как художник на модель.

«Ладно, – ответила Василиса, – пусть будет, как ты хочешь. Меняться, так меняться. Новой жизни – новый облик».

Они поговорили еще немного под шум телевизора и разошлись по постелям.

Наутро Василиса услышала звонок будильника. Она открыла глаза и посмотрела на часы. Было еще семь утра. «Ого, рановато, однако, мы встаем!» – она накинула халатик и вышла из спальни. Герман уже заправил кровать и сидел на кухне, читал газету: «Привет! Как спалось? Я уже чай поставил», – он привстал навстречу сонной Василисе.

«Нормально, а что так рано? И почему меня не будишь?» – голос Василисы звучал хрипло после постели.

«Да я не хотел нагружать тебя сразу. Все в холодильнике, я и сам могу достать. А на обед я бы заскочил и отвез тебя в салон. Ну раз уж ты встала, командуй, а я пока газету почитаю, вчера не успел», – и Герман снова уткнулся в печатный листок.

Василиса нарезала бутербродов, разлила чай, еще остававшийся в чайнике, только пришлось его разбавить кипятком.

«Может, ты кашу утром ешь? Или что-нибудь посущественнее? Просто мы дома утром только бутерброды едим, но ты, если что, скажи, мне не трудно кашу сварить», – говорила Василиса, накрывая на стол.

«Все нормально, я тоже бутерброды ем. Садись, ешь, скоро поедем. Салон с восьми работает. Я тебя завезу и в институт поеду. Обрато одна доберешься. Я на такси денег дам. Ключи запасные я тебе нашел, дверь легко открывается», – Герман деловито отхлебывал из

чашки, одним глазом уткнувшись в газету. Со стороны выглядело немного комично и нелепо. Василиса чуть не рассмеялась, но удержалась.

Около восьми они вышли из дома, дошли до уже знакомой стоянки и, сев в машину, поехали по уже начинавшим наполняться улицам. Ехали около получаса, салон находился далеко. Василиса не спросила, почему именно сюда, надо, значит надо.

Внутри было прохладно и пусто. Стричься в столь ранний час желающих, кроме Василисы, не было. Возле одного из кресел стояла девушка. Ей было, очевидно, около двадцати пяти, она была симпатичная и очень стройная. Герман подошел к ней: «Привет, Маша! Вот, я привел невесту. Вчера договаривались, помнишь? Сделай ей короткую, ступенчатую, с челкой. Чтоб необычно и креативно. Ты меня понимаешь?»

Маша улыбнулась: «А не жалко такие волосы стричь? Вам не жалко, девушка?» – она обратилась непосредственно к Василисе. Волосы у Василисы, действительно, были очень густые и блестящие. Чем-чем, а волосами она могла гордиться.

«Волосы не руки, отрастут, – пошутила Василиса. – Иногда полезно что-то изменить. Я всю жизнь с такими хожу. Надоело».

«Ну раз так, садитесь, – Маша подвинула кресло Василисе. – Я сейчас».

«Ну, девочки, я вижу, вы договорились, а мне пора, – Герман похлопал Василису по плечу. – До вечера. – Он сунул ей в руку деньги на такси и назвал адрес его дома. – Не заблудись. Ужин как вчера, в восемь ноль-ноль». – Василиса пожала ему руку: «Пока».

Маша оказалась очень искусной мастерицей. Василиса в зеркале с удивлением наблюдала, как меняется ее внешность. Надо отдать должное чутью Германа, стрижка, и правда, очень ей шла. Она сильно преобразила ее облик, почти до неузнаваемости, даже Маша восхитилась: «Совсем другое дело! Герман был прав. Вам очень идет». Василиса поблагодарила девушку, заплатила деньги и попросила вызвать такси.

Дома она долго изучала в зеркале свое новое отражение. Ей понравилось. Потом она спохватилась, что до сих пор не позвонила маме, даже телеграмму не отправила. Та волнуется, наверное. За всей этой суетой она даже не заметила, есть ли здесь телефон. Если и есть, он еще ни разу не звонил. Значит, скорее всего, нет. Василиса решила дожждаться Германа.

Вечером, когда они опять сели ужинать разогретой картошкой с мясом, она спросила его про телефон и почту.

«Телефона нет, неужели ты не заметила. А почта рядом, я покажу. Пойдем после ужина прогуляемся и отправим телеграмму, а то и правда, неудобно получается. Начнут думать черти что».

Телеграмму Василиса отправила длинную и восторженную – чтобы успокоить мать. Пусть знает, что у нее все хорошо. После этого она окончательно сняла груз с души и начала смотреть только вперед.

На следующий день Герман повел обновленную Василису к родителям. Василиса была в новом платье, в туфлях на высоком каблуке. Парочка старушек возле подъезда окинула ее изучающим взглядом. «Как в первый раз видят, – подумала Василиса, – а ведь вчера тоже сидели. Вот что значит одеться».

Старушки провожали их взглядом, пока они не сели в машину – Герман заказал такси. По случаю прихода сына с невестой родители накрыли стол, купили немного вина. Хоть Герман и не пил, но садиться за руль, даже после одного бокала, он не хотел – был очень законопослушным. Василиса немного нервничала – она в первый раз знакомялась с родителями молодого человека. Удастся ли произвести впечатление? Она, конечно, не была совсем невеждой, книги были доступны, она читала, и к тому же подготовка к поступлению на исторический еще не забылась.

Дом, где жили родители, был четырехэтажкой старинной постройки. Дверь в квартиру распахнулась при первом же звонке. На пороге стояла крупная женщина в переднике: «Про-

ходите, проходите, ждали уже», – она радушно повела рукой, приглашая войти в прихожую, показавшуюся Василисе огромной.

Василиса хотела вручить ей цветы, которые они с Германом купили по дороге, но он успел ей шепнуть: «Это Варвара, она маме иногда по хозяйству помогает, – и добавил уже громче: – Родители, вы где? Это мы». На его голос из комнаты выбежала женщина. Ей было, вероятно, около пятидесяти, но выглядела она очень хорошо. Была она небольшого роста, но худенькая, со светлыми волосами, уложенными в красивую прическу. На ней было очень милое платье, светлого оттенка, и туфли-лодочки.

«Здравствуйте, вы, как я понимаю, Василиса? – она протянула Василисе маленькую сухую ручку. – Очень приятно. Я Людмила Сергеевна».

Василиса ответила на рукопожатие, и удивилась силе ее небольшой ладошки.

«О, какая вы яркая! А Герман нам рассказал, что вы у нас провинциалка. Но я скорее бы приняла вас за столичную штучку!» – И Людмила Сергеевна засмеялась звонким, молодым смехом.

«Мама, не смущай Василису, это я ее одел и причесал. А то она была совсем скромницей. А мне не хотелось, чтобы на нее накинлись. Она действительно из провинции, оттуда, куда я ездил в последний раз. Ну да я тебе рассказывал. А в таком агрессивном виде вы даже будете ее немного бояться. Вот так!» – засмеялся тоже и Герман.

Василиса не удержалась и улыбнулась. Обстановка разрядилась.

Отец Германа немного задержался, он подошел, когда они все уже сидели за столом. Извинился за опоздание, поздоровался, поцеловал руку Василисе: «Ну и красавицу ты, сынок, отхватил! Смотри, крепче держи! И где нынче такие девушки водятся?» – балагурил он.

В отличие от матери, он был высок ростом, немного за пятьдесят, седые волосы, немного одутловатое лицо, животик, уже начинала проглядывать лысина. Звали его Никитой Андреевичем.

Василиса, по мере возможности, исподтишка изучала родителей Германа, но, сколько ни старалась, не могла уловить никакого сходства сына ни с тем, ни с другим. «Странно, – подумала она, – ну просто совсем ничего. И бывает ведь так!»

За столом говорила она мало, в основном отвечала на вопросы: кто родители, чем занимаются? что собирается делать дальше? Иногда Герман отвечал за нее, видя ее замешательство. Наконец мама решилась задать главный вопрос: «Герман называл вас своей невестой. Мы верим, что это у вас серьезно, иначе бы он не привел вас к нам в дом. Когда планируете свадьбу?» Василиса не знала, что сказать. Это была идея Германа, и она совсем забыла его спросить, а когда, в самом деле, свадьба?

Герман не растерялся: «Завтра мы идем подавать заявление, это будет считаться днем нашей помолвки. Свадьба через два месяца, как положено по закону. А на это время Василиса переедет из общежития ко мне, – и, перехватив взгляд матери, твердо повторил: – переедет ко мне. – Потом, смягчив голос, он добавил: – Не волнуйся, мама, ты меня знаешь, все будет хорошо. Я тебя не подведу».

Мать вздохнула: «Ну ладно, сынок, раз ты так решил. В общежитии, действительно, неудобно. Герман сказал, что вы на следующий год поступать хотите, а пока работаете у него в лаборатории, – обратилась она к Василисе, – я правильно поняла?»

Василиса кивнула. Герман не предупредил ее, что она, оказывается, уже где-то работает, а живет в общежитии. И когда только успела? И трех дней не прошло, как она здесь. Неужели они поверили? Но Герману виднее. В принципе, приехать в город, прийти в отдел кадров и получить общежитие хватило бы и дня. Иногородние так, наверное, и поступают. Не жить же им на вокзале, в самом деле?

Когда вечером они шли домой, Василиса укорила Германа, что не предупредил ее насчет работы и общежития. Тот ответил, что ничего страшного, он сначала хотел сказать правду, но потом передумал. Василиса спросила, почему?

«Мать бы обиделась. Почему ей не сказал, не посоветовался. Что соседи скажут, и так далее и тому подобное. А так меньше знаешь, лучше спишь. Неплохая импровизация получилась. А ты им понравилась. Внешность их, конечно, немного шокировала, но потом они отошли. Но насчет внешности не переживай, это был мой каприз. Можно сказать, шутка. Нет, не над тобой, над матерью. Не хотел, чтобы она клевала тебя, если бы ты выглядела совсем просто. Но все хорошо, что хорошо кончается, завтра подаем заявление, и ты официально живешь у меня. Попрошу отца, может, устроит тебя в институт на этот год, если места остались. Зачем время терять. А если не получится, то и в самом деле, придется тебе лаборанткой поработать годик, не сидеть же дома».

Василиса молча слушала его. Столько событий навалилось на нее за последние две недели, что информацию она воспринимала уже ограниченно. Все как во сне. Ей с трудом удалось убедить себя, что это она идет, стуча высокими каблуками по асфальту в огромном городе, держа под руку красивого молодого человека, который рассказывает ей сказки про ее будущую жизнь. Цок, цок, Василиса устала, Герман заметил это и, пройдясь еще немного, они взяли такси и остаток пути молчали на заднем сиденье, задумавшись, каждый о своем.

А потом план, придуманный Германом, начал претворяться в жизнь. Они подали заявление, был назначен день свадьбы – самое начало ноября. Не самый лучший месяц, конечно, но ничего не поделаешь. Родители Германа приняли самое деятельное участие в их судьбе. Никита Андреевич весьма живо хлопотал, чтобы Василису взяли в институт, хотя бы на платное отделение. Только с историческим не получилось, мама Германа очень хотела, чтобы Василиса стала экономистом. Эта профессия представлялась ей достойной любой женщины и всегда нужной и, что немаловажно, хорошо оплачиваемой. К тому же у ее мужа были связи в банках, и после окончания Василису легко было устроить на работу.

«Зачем вам в семье два археолога? – вопрошала она. – Женщина должна быть дома, а не мотаться по раскопкам. Призвание каждой женщины дом, дети и муж. А что же это получится, если вы оба будете мотаться по свету? Ни кола, ни двора. Какая же это семья? И к тому же, в банках платят очень хорошо, гораздо больше, чем всяким там кандидатам и доцентам, до которых еще дослужиться нужно. Нет, нет, как хотите, Василиса, а я категорически против», – при этих словах она краснела и отворачивалась.

И Василиса сдалась. Герман поддерживал мать, и ей было нелегко противостоять им обоим. У отца Германа нашлись друзья в планово-экономическом, на платном отделении были места, и Василису приняли. Все успокоились и начали готовиться к свадьбе. Составлялись списки приглашенных, был заказан ресторан, один из лучших в городе. Герману купили костюм, а Василисе платье. Платье она выбирала очень тщательно, придираясь к каждой мелочи. Внезапно ей захотелось быть очень красивой, послать фото к себе на родину, ей хотелось, чтобы мать с гордостью рассказывала всем о том, как хорошо живет Василиса. Герман не должен был видеть платье до свадьбы, плохая примета, поэтому выбирала его Василиса практически одна. Людмила Сергеевна вскоре устала от магазинов, предоставив Василисе полную свободу, чему Василиса была ужасно рада. Ей нравилось мерить на себя роскошные наряды, она долго любовалась собой в зеркалах, и малейшее сомнение заставляло ее отказаться от покупки. Наконец она нашла, что хотела. Платье натурального шелка, с глубоким декольте, которое очень выгодно подчеркнуло ее немного смуглую кожу. Ей велели не стесняться в средствах, и она купила его несмотря на довольно большую цену. Им в квартире установили телефон, и Василиса позвонила матери. Та была страшно рада услышать голос дочери, даже прослезилась: «Ну как ты там, Вассочка, телеграмму твою я получила, спасибо. У нас все хорошо. Папа вернулся. Расскажи о себе, я так соскучилась!»

У Василисы тоже вдруг защемило сердце: она бросила мать, а сама наслаждается жизнью! Но она быстро взяла себя в руки: «Все хорошо, мама, я замуж выхожу! В ноябре свадьба, приедешь? Как папа? Что он сказал?»

«Замуж?! Так быстро? За кого же? Уж не Германа ли? Я сразу поняла, что он к тебе неравнодушен. Папа, ну что папа, пошумел немного, что так неожиданно, но потом успокоился, говорит, что так лучше, нечего тебе здесь сидеть. Опять вот в рейс ушел. А на свадьбу, конечно, постараюсь приехать».

«Мама! – Василиса повысила голос. – Что значит постараюсь?! Я у тебя одна дочь, или как?! Я же не сирота. Если ты насчет работы беспокоишься, то расслабься. Найдут тебе замену, Наташка-нянечка побудет, поймут, что не развлекаться едешь. Я не каждый день замуж выхожу. И потом, я в институт поступила, только на экономический».

«Господи, в институт! А что на экономический? Ты же на исторический хотела», – мать немного удивилась.

«Хотела, да передумала, так надо. Не судьба мне историком стать. Приедешь, поговорим. Давай, я тебя жду», – и Василиса назвала дату свадьбы.

«Ладно, – мать вздохнула, – приеду. А отец? Его, ты что, не приглашаешь?»

«Господи, мама, не глупи, – Василиса почему-то начинала раздражаться, – ну, естественно, и папа тоже. Может, с рейсом совместите. Я вас жду. Все, целую, пока». – Василиса положила трубку и подумала, что быстро адаптировалась. Разговор с матерью напомнил ей о той, прежней жизни, и она ужаснулась мысли, что могла остаться там из страха что-то менять.

Все остальное прошло довольно обыденно. Загс, кольца, гости, ресторан. Было весело, конечно, много вина, музыки, но так проходят все свадьбы, и Василисина мало чем от них отличалась. Родители Василисы приехали, как и обещали. Они пожили недельку у них с Германом, походили по магазинам. Потом, тепло распрощавшись, Василиса с Германом посадили их на поезд, и они уехали. Герман понравился отцу, он показался ему не по годам серьезным и рассудительным, а рассудительность отец уважал. Родителей Германа они немного смущались, те были им не ровня, но все прошло гладко. Свадебное путешествие Герман с Василисой отложили на потом, у Василисы шли занятия в институте, она итак начала не сначала и теперь догоняла группу.

Герман после свадьбы перебрался к ней в спальню, и это было единственным, чем их жизнь стала отличаться от добрачной. Хотя, надо признать, отличие было весьма существенным. Василиса немного побаивалась этого момента, главным образом из-за того, что все было обставлено так помпезно. У нее уже был опыт, и она не могла поверить, что в современном мире молодой человек способен сохранить девственность до двадцати трех лет. Она, конечно, ничего не спрашивала у Германа, но в глубине души была уверена, что женщины у него были.

В первую ночь он показал себя страстным и умелым любовником. Василиса не знала, что и подумать. Он смог разогреть ее так, что она даже не узнала себя. Это было весьма неожиданно, но приятно. Василиса почувствовала, что способна полюбить мужа со всей своей нерастраченной страстью. Она долго не решалась задать ему вопрос про женщин, но его осведомленность в любовных утехх была столь очевидна, что Василиса решилась: «Ты же говорил, что не прикоснешься к женщине до свадьбы, что-то не похож ты на неумелого скромника!»

«Ах, ты об этом, – Герман досадливо поморщился. – Все, что я говорил, правда. Но есть ведь женщины легкого поведения, их никто не отменял. Папа мне посоветовал нескольких, и я периодически пользовался их услугами».

«Папа?! Тебе посоветовал папа?!» – Василиса была шокирована.

«Да, папа, а что ты удивляешься? Во все времена мальчики становились мужчинами под руководством отцов. Это нормальная практика. Неужели лучше было бы, чтобы я сразу какую-нибудь подхватил или залетел по глупости. Отец не мог этого допустить. А так, все проверено. Согласовано. И все довольны. Но к невесте я до свадьбы прикасаться не собирался. Даже если невеста к кому-то прикасалась», – и он многозначительно посмотрел на Василису.

Та покраснела: «Ты не спрашивал, а я не отвечала. Я не думала, что это для тебя так важно. Считай, я, как и ты, познавала эту часть жизни. Физиология. Не более того. Кстати, в древности, по русским обычаям, вечерами в избах собирались девушки и парни, и секс был у них обычным делом. О детях, рожденных от этих вечеринок, заботилась вся деревня. Это считалось нормальным и не служило препятствием для последующего вступления девушки в брак. Вот так, дорогой любитель старины. Это потом уже все изменилось. Запреты, позор и все такое».

Герман молча курил. Потом он обнял Василису одной рукой и поцеловал в губы: «Прости, дорогая, ты права. Оставим этот разговор. Все нормально. Главное, что мы теперь вместе».

И жизнь покатилась, ускоряя свой темп, оставляя за плечами однообразные годы. Василиса окончила институт, ее устроили на работу в банк. Герман защитил кандидатскую, потом докторскую. С годами чувство Василисы к Герману окрепло, она несколько не жалела, что так спонтанно вышла за него замуж. Супруги почти не ругались, только одно омрачало их безоблачную семейную жизнь – у них не было детей. Но они были еще довольно молоды и надеялись на лучшее. Врачи в один голос твердили, что и Василиса, и Герман здоровы, и отсутствие детей это временная проблема. И они ждали и, спустя десять лет, все еще надеялись, хотя и не так сильно, как раньше.

И вот произошло событие, потрясшее уютный мирок Василисы до основания – пропал Герман.

* * *

Тут Василиса вынырнула из омута воспоминаний и вернулась на берег реальности. А на берегу Германа не было. Был стол и чашка остывшего кофе на нем. Это все, что ей сейчас осталось. Конечно, были еще шкафы, где висела одежда Германа, и коридор, где стояла его обувь, но самого хозяина не было. Василиса поразилась, как может быть тихо в доме по ночам. Она никогда не замечала такой тишины, ночью они обычно спали, но сейчас ей не спалось. Германа не было уже три дня. Когда он не пришел вечером домой, Василиса, конечно, очень забеспокоилась, но не подумала ничего такого. Он и раньше, бывало, задерживался, банкет, вечеринка с коллегами, кто-то защитился и все такое. Но он всегда звонил. Пил он очень мало, поэтому возвращался не поздно, если только они не уезжали за город. «Может, не смог дозвониться? – подумала Василиса тогда. – Мало ли что со связью». В институт звонить было уже поздно, а родителей беспокоить не хотелось, разволнуются, напридумают себе чего-нибудь. И она ждала. Но утром он тоже не пришел, и Василиса ушла на работу без него. Там она сидела, как на иголках. Еле дождалась обеда, чтобы выйти и позвонить из автомата. Но в институте ей ответили, что Герман еще не приходил, а вчера ушел, как обычно. Правда, выглядел он неважно, жаловался на головные боли, говорил, что у него поднялась температура, поэтому они и подумали, что он заболел, потому и не пришел. Василиса, совершенно сбита с толку, положила трубку. Оставались еще родители, может, он пошел к ним? Но с чего? Они не ругались, все было хорошо. Может, отцу плохо стало, и Людмила Сергеевна позвонила ему, чтобы он пришел? Но это просто свинство не позвонить ей и заставить ее так переживать. Она вернулась на свое рабочее место и с трудом доработала

до конца дня. Но дома Германа все еще не было, и не было видно признаков его присутствия. Василиса терялась в догадках. Самые невероятные вещи приходили ей в голову. Может, здесь замешана женщина? Шерше ля фам, как говорится. Но эта версия выглядела совсем уж фантастичной. Она, как женщина, раньше всех почувствовала бы перемену в настроении мужа. Такое трудно долго скрывать, хотя... У них ведь не было детей, и, может быть, Герман решил, что это она во всем виновата. Но об этом Василисе хотелось думать меньше всего. Эту версию она решила оставить напоследок. Она долго не решалась позвонить родителям, то подходила к телефону, то отходила, но наконец решилась и набрала номер. После третьего гудка ей ответила Людмила Сергеевна. Василиса поздоровалась и хотела спросить, не у них ли Герман, но словоохотливая дама опередила ее: «Здравствуй, здравствуй, дорогая. Давненько мы вас не видели, да и не слышали. Как там Герман? Что-то совсем не заходит, забыл стариков. Понимаю, вы заняты, но неужели позвонить сложно?! Я специально вам не звоню, думаю, когда же у вас совесть, в конце концов, заговорит?» Надежды Василисы разбились об эту телефонную трубку. Она что-то ответила, даже пошутила, пыталась оправдаться, но когда наконец ей удалось отделаться от свекрови, нервы ее не выдержали, и она разрыдалась. Когда приступ прошел, она немного успокоилась и решила трезво проанализировать ситуацию. Куда он мог пойти? И что вообще происходит? Она решила позвонить его коллегам и друзьям, с которыми он общался наиболее тесно. Может, они что расскажут. Им-то уж известно про женщину, если таковая имеется, во что Василиса, несмотря ни на что, не верила. Но эта версия не была такой уж невероятной в современном мире и стоила проверки. Она взяла телефонную книгу и села накручивать диск. Но никто ничего толком не мог ей сказать. Она старалась быть осторожной, чтобы никто пока ни о чем не догадался, она не хотела огласки. Она изворачивалась, врала, что поведение Германа ей кажется подозрительным в последнее время, он поздно приходит, ничего не говорит, она волнуется. Она умоляла рассказать ей, если что-нибудь известно, особенно одну его коллегу, любительницу сплетен. Но все в один голос твердили, что ничего такого за ним не замечали. Герман был фанатично предан науке, и его интересовали только древности, раскопки и предания. Он буквально гонялся за артефактами, а остальное было ему безразлично. Только некоторые заметили, что в последнее время он неважно себя чувствовал – воспаленные глаза, как вроде у него жар. Ему неоднократно предлагали уйти на больничный, но он не хотел, что-то нащупал, и работал как одержимый. Говорил, что скоро собирается в командировку, якобы нашел интересное захоронение.

К слову сказать, в Василисины края он так и не попал. Другие темы подвернулись ему, он нашел другие места, та поездка все откладывалась, а потом и вовсе утратила актуальность.

Надежды Василисы таяли на глазах, шли уже вторые сутки, и дело принимало нешуточный оборот. Василиса закрыла глаза и начала вспоминать последние дни, может, удастся найти зацепку. Но в голову ничего не приходило. Да, она видела, Герман неважно выглядит. Лихорадочно блестели глаза, лоб был горячий. Он говорил, что это обыкновенная простуда, ничего серьезного. Пил чай с липой и малиновым вареньем, таблетки от температуры, и уверял, что ему лучше. Дня три назад, за день до пропажи, его сильно трясло, бросало то в жар, то в холод, поднялась высокая температура, Василиса хотела вызвать врача, но он умолял ее не делать этого. Наглотался таблеток и лег спать. Утром Василиса с тревогой спросила, как он себя чувствует. «Все нормально, – ответил он тогда, – мне уже лучше». Даже напевал, собираясь на работу. Василиса не придавала значения этому. К тому же стояло лето, июль, и простуда выглядела как-то несерьезно. Пройдет, махнула она рукой. Не хватало молодому, здоровому мужику в постели валяться в такую-то жару.

И он ушел. Ушел, и вот второй день его уже нет. «Боже, как же болит голова! – Василиса обхватила руками виски и ожесточенно потерла. – Ничего не понимаю!» От усталости

и напряженности дня она заснула прямо на диване. Вскочила утром, от резкого звонка – ей показалось, что в дверь, но это был будильник. Василиса наспех умылась, причесалась, кое-как навела макияж и пошла на работу. День прошел как в тумане. Никаких звонков, ничего. Ну просто гробовая тишина! Домой она летела, как на крыльях. Дрожащими руками открыла дверь, в надежде, что Герман там, и все благополучно закончится, но дома никого не было. Она захлопнула дверь и в бессилии прислонилась к ней. Дальше скрывать пропажу не было смысла. Было ясно, что что-то произошло. Надо звонить родителям, в милицию. Начинать поиски. Завтра она пойдет в ближайшее отделение и напишет заявление. Три дня прошло, и его примут. Завтра же она позвонит и родителям. А сегодня еще одна бессонная ночь. Ей хотелось подумать, что же могло произойти, что стало не так? Или его украли? Но зачем? Сейчас, когда она немного успокоилась, она хотела проанализировать эти вопросы и, может, попытаться найти ответ. Ее все равно будут спрашивать, ей нужно что-то отвечать. Нужно быть готовой. Ну Боже, как же болит голова! Какая тесная одежда! Она сдавила ее, как тисками. Воротник душит. Он как петлей сдавил горло. Зачем носить такую одежду? Зачем туфли на таких каблуках? Говорят, это красиво. Ей и самой нравилось. Но теперь ей не понять, почему. Это просто панцирь. Он не дает ей дышать. Вся ее жизнь как в панцире. Господи, как давит на глаза! Они сейчас выскочат из орбит. Какое странное стало зрение! Все как в тумане. Только стену перед собой видно очень четко. Жарко, жарко! Тело горит огнем. Василиса рванула ворот блузки, который издал жалобный треск. Пусть, не жалко. Иначе он удавит меня.

Очнувшись Василиса от внезапно накатившей волны холода и обнаружила себя стоящей в ванной под ледяным душем совершенно голой. Она выключила воду и спустила ноги на кафельный пол. Завернулась в полотенце. «Я схожу с ума, – подумала она отстраненно, – но, может, так лучше». Она прошлепала босыми ногами по полу и легла на кровать прямо в халате. Все тело болело, как будто она чрезмерно злоупотребила тренажерами. Василиса закрыла глаза и провалилась в сон. Засыпая, она уже знала, что Герман не вернется.

С утра ей стало немного лучше. Голова еще болела, но не так сильно. Жар спал, но температура еще была повышенной. Василиса хотела позвонить на работу и взять выходной, но вспомнила, что ее начальница, Марья, ждала от нее отчет, который она хотела сделать еще вчера. Марья, конечно, не простит. Пожалуется свекрови, а та начнет ее воспитывать и обязательно напомнит, как ей досталось это место под солнцем. Странно, но утром Василиса почти не вспоминала о Германе. Она очнулась только возле двери, когда собралась выходить из дома. Взгляд ее случайно упал на его ботинки, напомнившие ей, что недавно они утратили хозяина. Василиса наморщила лоб. Черт! Ее муж пропал. Как она могла забыть такое? Она собиралась сегодня в милицию. Это повод отпроситься с работы. Свекрови будет не до Марьиных жалоб. Даже наоборот, хороша же она была бы, если бы как ни в чем не бывало делала этот ужасный отчет. Василиса убрала руку с ручки двери и положила сумку. Медленно сняла плащ. «Осень, – подумалось ей совсем некстати, – люблю осень». Она провела рукой по покрасневшим глазам и сняла трубку телефона.

– Марья Антоновна?

– Да. А кто говорит? – в трубке послышался знакомый металлический голос.

– Это Василиса. Вы уже на работе? – задала она идиотский вопрос.

– А где я могу быть? Что за глупый вопрос? Ты куда позвонила?

– Простите, ради Бога, я не в себе. У меня муж пропал. Я хочу написать заявление в милицию. Можно я возьму выходной? – Василиса зарыдала в трубку.

На том конце провода на мгновение воцарилась тишина. Видимо, Марья была ошарашена неожиданной новостью и не сразу нашлась, как на нее реагировать.

– Да, милая, успокойся, – голос прозвучал сочувственно, – ты уверена?

– Да, его нет уже три дня. Я пробовала искать, но никто ничего не знает. Я не знаю, что мне делать! – Рыдания сотрясали Василису, и она не могла остановиться.

– Не плачь, деточка, что ты! Он обязательно найдется. Наверное, запил с друзьями на даче. Мужчины на это способны. Я оформлю тебе выходной.

– Спасибо, Марья Антоновна! – Василиса зашмыгала и положила трубку.

Теперь маме. Это труднее, но она справится. Нельзя все время скрывать от нее пропажу сына. Она потом не простит ей. Василиса набрала домашний номер родителей Германа. В как можно более осторожных выражениях она объяснила матери, что произошло. Сказала, что собирается в милицию. Обзвонила все морги и больницы. Свекровь слушала ее молча. Василиса даже забеспокоилась, не упала ли она в обморок. Но после информации о больницах, та ответила:

– А у вас все нормально? Он такой скрытный. Никогда не скажет, если что не так. Мне он казался чрезмерно возбужденным в последнее время. Я даже спросила его, в чем дело? Он сказал, что нашел преинтереснейший материал. Да, так и сказал – преинтереснейший. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Василисе стало очень стыдно, но в последнее время она мало интересовалась делами мужа. Он что-то пытался ей рассказать, но она слушала вполуха, занятая своими мыслями.

– Да, он что-то такое говорил, но не хотел рассказывать раньше времени, чтобы не сглазить. Очень трепетно относился к этому материалу. Вы думаете, это как-то связано между собой?

– Не знаю, все может быть. Возможно, он уехал туда. Ты, кстати, не знаешь, где это?

– Понятия не имею. Он все скрывал. Говорил, что это будет сенсация. Не хотел проболтаться раньше времени. – Василиса опять заплакала.

– Не стоит рыдать, девочка, этим ситуацию не исправишь. Я знаю, что мой сын жив. И это главное. Если ты будешь все время рыдать, то не сможешь ему помочь. Прекрати! Иди в милицию, пиши заявление. Потом зайди к нему на работу, поговори с коллегами. Ну все, давай, я сама тебе потом позвоню. – Свекровь держалась очень достойно. В глубине души Василиса была удивлена и обрадована. Если бы она закатила истерику, Василиса тоже могла бы сорваться. Она снова натянула туфли и плащ, взяла сумку и вышла из дома.

В милиции следователь долго и нудно расспрашивал ее, записывал показания. Она автоматически отвечала. От многочисленных ответов у нее пересохло в горле. Его просто жгло, как огнем. Она попросила стакан воды. Следователь внимательно взглянул на нее, подал воду и быстро свернул беседу, пообещав сделать все возможное.

Василиса вышла на воздух. Втянула ноздрями запах прелой листвы. Ей вдруг захотелось пройтись по лесу. Пожалуй, на сегодня хватит. На работу к Герману она пойдет завтра. Сейчас она совсем лишилась сил. Она проскользнула за руль машины, включила зажигание и поехала, набирая скорость, за город. Нельзя было в таком состоянии садиться за руль, но она почему-то была уверена, что все будет в порядке. А если и не будет, то ей все равно. Она очнулась только за городом. Оставила машину на обочине и потихоньку побрела в лес. Никого не было вокруг, и Василиса успокоилась. Она шла по тропинке, углубляясь все дальше и дальше, нисколько не беспокоясь о безопасности. Сняла туфли. Ступила ногами в чулках прямо на землю. Листва под ступнями приятно пружинила. Земля отдавала телу приятную прохладу. Василиса свернула с тропинки вглубь леса. Чулки порвались о ветки и сучья, но она продолжала идти. «Как здесь чудесно! – подумалось ей. – И столько звуков! Не то что в квартире. Я сойду там с ума». Она выбрала большое дерево и уселась на подстилку из листвы. Закрыла глаза. Звуки наполнили ее голову. Тихие и громкие, они принесли истинное наслаждение, как и легкий ветерок, ласково касающийся щек и открытого лба. Она вспомнила разговор со свекровью. Что-то показалось ей фальшивым. Почему она была так спокойна? Ей сообщили о пропаже сына, а она ведет себя как стойкий оловянный

солдатик. Странно. Возможно, она что-то знает? Но не хочет говорить? Но почему? Семейная тайна? А что она вообще знает об их семье? Василиса вспомнила историю своего замужества, и вдруг удивилась легкости, с которой она согласилась на этот брак. Как будто им было все равно и они не могли дождаться, чтобы избавиться от него. Но что он им сделал? Как могла убедиться Василиса за десять лет их совместной жизни, он был обычным человеком. Хотя что она знала о нем? Они работали, приходили домой, разговаривали. Сначала Герман увлеченно рассказывал ей о своих изысканиях, но потом, видя, что она слушает только из вежливости, постепенно перестал. У нее были свои проблемы. Банк, сплетни. Потом все это сводилось к разговорам о детях. Об очередных процедурах, врачах, целителях. Новых методах оплодотворения и так далее. Почему у них нет детей? Ведь оба они здоровы. Они помешались на этом. Постоянно бегали по врачам. Секс, вспомнила Василиса, вот что по-настоящему их объединяло. Только в постели они становились единым целым, даже спустя десять лет после свадьбы. Только там их тела и души проникали друг в друга, возвращаясь к первородному состоянию, когда человек был един, не разделяясь на мужчину и женщину. Поэтому он не мог изменить ей, это очевидно. Василиса была уверена в этом.

Он жил один, когда они познакомились, и, очевидно, уже не один год. И это более чем странно. У его родителей огромная квартира, чем он мог помешать им? Они очень редко виделись с родителями. В основном все общение сводилось к звонкам и дежурным вопросам. Никто не проявлял рвения. Разве это теплые семейные отношения? Но к чему она сейчас об этом думает? Какие бы ни были у них отношения, Герман действительно пропал. Он не позвонил и не оставил записки. Может, он что-то сказал матери, и поэтому она так спокойна? Но по каким-то причинам не хочет делиться с Василисой. Даже позволила ей заявить в милицию. Или уверена, что они его не найдут? У Василисы закружилась голова. Голова кружилась все сильнее и сильнее, ей показалось, что ветер усилился и подхватил ее, как пушинку. И вот она, раскинув руки, подобно крыльям, поднялась над лесом, над самыми верхушками деревьев. Она парит высоко-высоко, лес под ней сливается в разноцветный ковер, она видит далеко-далеко впереди, сбоку, почти сзади себя... Еще немного, и она найдет Германа, он где-то здесь, недалеко, она чувствует...

Резкий укол заставил ее вернуться на землю. Она открыла глаза. Муравей заполз ей под блузку и укусил ее. Василиса встала на ноги и отряхнулась. Начинало темнеть, и пора было возвращаться. Бесшабашность покинула ее, и Василисе стало немного жутко. Обратно она почти бежала, прижав к себе туфли. Возле дороги она натянула туфли прямо на рваные чулки и нырнула в машину. В машине страх прошел, она включила фары и развернулась. Домой ехать не хотелось, и Василиса, доехав до города, зашла в первый попавшийся бар.

В баре было темно и шумно. Сигаретный дым висел в воздухе, окутывая все вокруг сизым покрывалом, так что казался отдельным живым существом. Он протянул свое щупальце к Василисе и всосал ее в помещение. Василиса прошла вглубь и села за первый попавшийся свободный столик. Официант вырос из сизых клубов, как джинн из лампы.

– Что будете заказывать?

Василиса задумалась. Что она будет заказывать? Странное слово – «заказывать», удивилась Василиса, а вслух произнесла:

– Водки со льдом и сок на ваш выбор.

– Сколько водки?

– Бутылку. – Она перехватила недоуменный взгляд официанта. Чтобы избежать осложнений, добавила: – Я жду друга.

Тот кивнул, растянувшись в улыбке.

– Может, что-нибудь еще?

– Нет, пока все, у моего друга своеобразный вкус, боюсь, не угожу.

Официант испарился, видимо отправился в лампу, исполнять заказ. Василиса закурила, добавив к имеющейся дымовой завесе свою лепту. Хорошо. Когда она так позволяла себе расслабиться в последний раз? Наверное, никогда. Что ж, сейчас самое время попробовать запретного.

В ожидании, когда принесут заказ, она рассматривала помещение. Людей было довольно мало, особенно женщин. Она различала лица за соседними столиками, некоторые с интересом поглядывали в ее сторону. В ней тоже проснулся интерес. Вдруг очень захотелось секса, она нахмурилась, пытаясь прогнать желание, но только укрепились в нем. Взгляд ее стал ищущим и зовущим. Из противоположного угла отделилась фигура и направилась к ней. Фигура оказалась довольно молодым крепким мужчиной, на вид рокером или что-то вроде того. Длинные волнистые волосы, черная куртка. Василиса улыбнулась.

– Можно присесть? – Парень не выглядел наглым.

– Пожалуйста.

– Скучаете?

– Отчасти.

– Как вас зовут?

Василиса немного помешкала, прежде чем назвать имя, сама не зная почему. Ей не хотелось портить свое. Здесь находилась другая часть ее, поэтому и имя следовало придумать другое. Но в голову быстро ничего не приходила, и она сказала:

– Васса. – Так, во всяком случае, ее никто никогда не называл.

– Прекрасно. Очень красиво. Не хотите узнать мое?

– Хочу. – Василиса выпустила дым изо рта.

– Павел.

– Тоже неплохо.

Павел уже сел на соседний стул, но разговор не клеился. Василиса молчала, рассматривая его исподтишка и окутывая себя клубами дыма. Довольно молод, на вид около тридцати. Может, чуть больше. Почти как она. Симпатичный. Открытый, честный взгляд. Парень ей определенно нравился. Видя его смущение, она решила нарушить молчание первой:

– Вы тут один?

– Да, практически. Мы с друзьями уже вышли на улицу, но я вспомнил, что забыл зажигалку и вернулся. А тут вы. Не знаю почему, захотелось познакомиться. Вы не против?

– Нет, что вы. Я – за. Тоже, знаете ли, очень захотелось с кем-нибудь поговорить.

Павел открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут официант принес заказ. Василиса попросила еще рюмку для водки.

– О! Да вы, я вижу, не промах! – Павел был удивлен.

Василиса засмеялась.

– Нет, вы не так поняли. Я вообще не пью, просто у меня большие проблемы. Я бы никогда столько не выпила. Но теперь, надеюсь, вы не откажетесь составить мне компанию? Ненавижу пить одна.

– С удовольствием. Может, закажем закуски?

– Как хотите, мне не хочется есть. Я сейчас и кусочка не проглочу. Извините.

– Бог с вами, я как вы.

Павел налил в рюмки Василисе и себе, и разлил сок по стаканам.

– За знакомство.

Они чокнулись. Василиса выпила, сразу ощутив, как горячая волна обожгла ее изнутри.

– Давайте еще по одной. Хочу сразу стать немного пьяной.

– О'кей.

Вторую они выпили, не чокаясь. Василисе показалось, что горячая волна внутри нарастает, у нее зашумело в ушах. Она испугалась, что сейчас взорвется, как паровой котел, и быстро отхлебнула соку из своего стакана.

– Знаете, Павел, – Василиса проникновенно посмотрела на него, – у меня появилась идея. Надеюсь, вы не спешите? Вас не ждут дома жена, дети? – Она вопросительно подняла бровь.

– Нет, я абсолютно свободен, женой, увы, не обзавелся.

– Прекрасно. Мне что-то здесь не очень нравится. Нет, нет, здесь отлично. Обстановка и все такое. Но мне хотелось бы познакомиться поближе. Вы не возражаете? – Василиса не узнавала себя. Ей показалось, что Павел смутился, но она предпочла не заметить этого. Вернее, ей было все равно.

– Хорошо, но какие будут предложения?

– Проводите меня домой. Там очень тихо, и мы спокойно поговорим. Я сварю вам кофе. А эту бутылку мы заберем с собой. Идет? – Василиса даже не подумала, что Герман может вернуться. В тот миг она была абсолютно уверена, что в ближайшее время она его не увидит.

– Как будет угодно даме. Но может, ко мне? Я снимаю квартиру неподалеку с другом на двоих. Его как раз сегодня не будет.

«Почему бы и нет? – подумала Василиса. – Завтра я пойду на работу, и это приключение закончится. Я больше не могу выносить ту тишину». А вслух она сказала:

– Хорошо. Можно и к вам. Тем более что это близко.

Она позвала официанта, расплатилась, засунула бутылку в сумку и встала из-за стола.

Шли они, и в самом деле, не долго. Дом, конечно, оставлял желать лучшего, но Василису это не испугало. Какая теперь разница? Они поднялись на третий этаж, потому что лифт не работал, и остановились у обшарпанной двери.

– Не хоромы, конечно, но сами понимаете. – Павлу было немного стыдно за убогий вид жилища.

– Ничего. Я не в претензии. – Василиса усмехнулась. Хмель понемногу прошел, пока она шли по улице, но желание не пропало.

Она зашли в прихожую, и Павел зажег свет. Квартирка была хоть и бедной, но довольно чистой и милой. Василисе даже показалось, что он обманул ее и снимает квартиру не с другом, а с подругой. Но она не стала вдаваться в подробности.

– А у вас тут уютно.

– Да бросьте.

– Нет, правда. Куда идти?

Он проводил ее прямо в комнату, которая оказалась единственной. Женских вещей нигде не было, и Василиса подумала, что ошиблась насчет девушки. Она села на диван, оказавшийся весьма мягким и удобным, поджав под себя ноги. Юбка немного задралась, обнажив круглые колени, но Василиса и не подумала ее одернуть. Сердце ее стучало часто-часто. Павел подвинул к дивану журнальный столик, бросая украдкой взгляд на ее колени, потом принес из кухни рюмки, пачку сока, стаканы, коробку конфет и фрукты в вазе. Василиса оценила заботу. Она вытащила бутылку из сумки и поставила на стол. Павел принес вина. Оно было красным, как кровь, которая ударила Василисе в голову. Она еле справлялась с волнением.

– Тебе вина или водки? – Павел застыл с рукой в воздухе.

– Пожалуй, вина будет достаточно. Что-то водки я уже напилась, больше не хочется.

Павел согласно кивнул и плеснул темно-красной жидкости себе и Василисе в стаканы. Василиса взяла стакан в руку и повертела его перед глазами. «Надо же, какой цвет, – подумала она, – никогда не замечала, чтобы вино имело такой глубокий цвет. Как капли засохшей крови». Она отхлебнула из своего стакана, погрузившись в раздумья. Павел тоже

отпил немного вина и положил руку Василисе на колено. Она вздрогнула от неожиданности. Поставила стакан на стол. Ей стало нестерпимо жарко. Она расстегнула пуговицу на блузке, потом еще. Дыхание у нее участилось, она слышала биение собственного сердца, как будто это молотом ударяли по наковальне. Положила руки на плечи Павла и мощным рывком притянула его к себе. Впилась губами в его губы, одной рукой держа его за голову, будто боясь, что он вырвется, другой лихорадочно срывая с себя одежду. Жар усиливался. Уже все тело у Василисы горело, и был только один способ снять этот жар. С таким исступлением Василиса никогда не занималась сексом. Сейчас ей было все равно, стар ее партнер или молод, красив или безобразен. Она вертела им, как хотела, она просто неистовствовала, пытаясь получить удовлетворение.

Когда наконец все закончилось, она, до крайности утомленная, села на диване и сразу начала одеваться. Павел лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Теперь это было для Василисы просто тело. Первое подвернувшееся под руку мужское тело, которое она использовала по своему усмотрению. Она окинула его равнодушным взглядом. Губы ее партнера пылали на бледном лице, и он поминутно их облизывал. Взгляд Василисы спустился ниже, она с удивлением обнаружила, что живот и то, что ниже, тоже неестественно красного цвета, как будто его облили кипятком. «Странная реакция, – вяло подумала она, – а впрочем, его дело».

Павел приподнял веки.

– Кто ты? – голос прозвучал неожиданно хрипло и тихо. – Я думал, что голым спустился в жерло вулкана или в доменную печь. – Он едва шевелил распухшими губами. – Никогда не забуду этой ночи. Буду вспоминать до старости. Боже, как все горит!

Василиса молчала. Она не понимала его. Да, секс был бурным, но не более того.

– Мне пора, завтра на работу. Только такси вызову. Ты в порядке? – Василиса вдруг забеспокоилась. Ей показалось, что что-то не так, но она не могла понять, что.

– Иди. Я в порядке, если можно быть в порядке после путешествия голым в печь. Но это ничего, это было божественно. Все остальное по сравнению с этим пресно. Теперь будет пресно. Но второго раунда мне не пережить. Прости.

Василиса пожала плечами. Ну вот, стоит только им встретить настоящую женщину, как они пугаются и прячутся в кусты. Тоже мне, мужики! Она невольно скорчила презрительную гримасу. Павел заметил.

– Может, ты вампирша? Но тогда ты бы пила кровь. – Он накинуд на себя халат и ждал, пока Василиса уйдет.

Звонок телефона по поводу такси не заставил себя ждать, и Василиса, взяв сумочку, помахала хозяину квартиры рукой и захлопнула за собой дверь.

Дома ее встретила все та же тишина. Но теперь она не показалось Василисе такой страшной. Она даже обрадовалась ей. Быстро прошла в ванную, долго стояла там под струей прохладной воды, смывая следы и запах чужого мужчины. Она совсем не чувствовала угрызений совести. Просто ей нужно было сбросить напряжение. Вот и все. Ей подумалось, что Герман бы понял ее и даже не стал бы осуждать. Потому что это не измена. То, что случилось, это совсем не измена. Это акт милосердия к себе, к своему телу, к своей плоти.

После душа Василиса свалилась на кровать и быстро уснула, успев завести будильник.

А в это время ее нечаянный друг подошел к зеркалу в ванной и, немного страшась, взглянул туда. В общем-то лучше, чем он ожидал. Губы болели и уже начали покрываться волдырями, но вид был не таким страшным. Он потрогал их рукой. Боль обожгла. Волдыри появились и на теле, и внизу живота, и на самом органе. Павел поморщился. Как будто перегрелся на солнце. «Вот так женщина! – подумал он. – Невероятно, но это ожоги». Он достал мазь от ожогов и осторожно стал намазывать ее на особенно зудящие места. Стало немного легче. Он запахнул халат и пошел в комнату.

«Боже, кто она? Странная особа». Он вспомнил случаи, виденные по телевизору, когда люди сгорали внезапно, прямо на улице, и от них оставалась только горстка пепла. «Может, она из таких? Чего только не бывает. Ну да пусть горит без меня. С меня достаточно воспоминаний об этом». Он лег на диван и включил телевизор, предполагая, что уснуть с такой болью ему все равно не удастся. Наверное, стоит показаться завтра врачу. Скажет, что облился кипятком случайно. Он закрыл глаза, слушая монотонный голос, раздававшийся с телеэкрана, и немного задремал.

* * *

С утра Василису разбудил звонок будильника. После вчерашней ночи она чувствовала себя значительно лучше. Как будто открылось второе дыхание. Апатия прошла, и настроение Василисы начало немного улучшаться. Она выпила кофе, съела бутерброд, оделась и вышла из дома. Уже на лестничной площадке она вспомнила, что машина осталась на стоянке возле кафе, и решила вызвать такси, чтобы ее забрать. Она не чувствовала себя что называется с похмелья, да и негоже оставлять машину там. Ее фолд хоть и не последней модели, но все же... Чтобы не возвращаться, она вызвала такси с сотового, и вышла на улицу. Утренняя прохлада еще больше взбодрила ее. Такси не заставило себя ждать, она сказала название кафе и села на заднее сиденье. По пустым улицам доехали быстро – Василиса вышла раньше на полчаса, хотела посидеть в машине, подумать, что делать дальше, покурить. Возле кафе она расплатилась, немного переживая, на месте ли ее крошка, и отпустила такси. Красный бок своей машины она увидела издали и вздохнула с облегчением. Все хорошо, что хорошо кончается. Жаль, посидеть не удастся, уже пора на работу. Ну да ладно, она подумает в обед. Выйдет на улицу, чтобы не мешали ей разговорами, и подумает. На милицию мало надежды, она сама должна его найти. Вероятно, он ждет ее, ждет, чтобы она нашла его, а она мается дурью. Василисе вдруг стало стыдно. Нет, не того, что вчера произошло, а своего бездействия. Она ведь даже не попыталась ничего узнать толком. Не ходила к нему на работу. Бесчувственная эгоистка! Василиса вела машину, ловко перестраиваясь из ряда в ряд. «Господи, что это со мной? – внезапно подумалось ей. – Что за стиль вождения? Как возмнивший из себя лихого драйвера юнец, которому папа вчера купил новенькую иномарку. Старая дура!» Она славилась аккуратной ездой, без вывертов и показного лихачества. Поймав себя на этом, Василиса снизила скорость, встала в ряд и до работы уже доехала совершенно спокойно.

Марья встретила ее сочувственным взглядом.

– Ну как дела?

– Нормально, если так можно выразиться.

– Заявление написала?

– Да, вчера.

– А сама как? Может, еще три дня за свой счет возьмешь?

– Нет, нет, – Василиса испугалась, что ее сейчас выдворят домой и она опять впадет в спячку, и поэтому добавила: – Я не могу одна. На работе мне лучше. Все равно сейчас от меня мало проку. Милиция ищет, если что-то будет известно, они позвонят.

– Да, да, конечно, – Марья закивала, – прости, я не подумала. Ну, иди.

Василиса прошла на место, включила компьютер. До начала рабочего дня еще оставалась пара минут, и она вышла покурить. «Надо зайти к нему на работу, – подумалось ей, – Макс может что-то знать. Он ему все рассказывал. А может, к Максиму домой? Лера не будет ревновать, все уже знают». Она затушила сигарету и села на место. Все потом. Рабочий день начинался. С утра посетителей было мало, и Василиса не особенно напрягалась. Договоры, счета, все было привычно и знакомо. Она машинально нажимала на клавиши, быстро находя нужное, дежурно улыбалась.

Это случилось после обеда. Мужчина, подошедший к ней, выглядел очень уважаемо. «VIP-клиент», – вспомнила Василиса. Она протянула руку за бумагами, и мужчина подал ей целый ворох. «Господи, сколько возни», – Василиса почувствовала легкое раздражение – она не любила возиться с VIPами. Но все-таки улыбнулась и попросила подождать. Привычно нажала на клавишу, но экран вдруг стал серым, и на нем появилась надпись: «Я найду тебя, грязная тварь! Не думай, что ты улизнешь!» Василиса посмотрела на клиента, он о чем-то говорил по сотовому, потом опять в компьютер. Зажмурила глаза. Когда она их открыла, надписи не было, экран привычно мигал знакомыми строчками счетов. У Василисы отлегло от сердца: «Я схожу с ума. Нервы ни к черту. Может, взять отпуск?» Она продолжила работу с бумагами. Клиент прекратил разговор по телефону и попросил Василису поторопиться, многозначительно бросив взгляд на часы. Василиса взглянула на него, оторвавшись от экрана, а когда повернулась обратно, там опять была надпись: «Что ты молчишь, сучка, когда я с тобой разговариваю! Где ты, дрянь? Говори! И ты умрешь спокойно». Василиса потеряла дар речи. Она вымученно улыбнулась клиенту, пролепетав что-то про компьютерный сбой. Но тот не хотел успокаиваться. Он начал кричать на Василису, употребляя нецензурные выражения, ей даже показалось, что он хотел ударить ее, и она невольно отстранилась. Он вырвал бумаги из ее рук, они упали и рассыпались по полу. Он, бормоча проклятия, стал собирать их, но, как выяснилось, только затем, чтобы бросить их Василисе в лицо. Такого она уже не смогла терпеть и крикнула на него, чтобы он успокоился. Мужчина стал пунцовым, Василисе даже показалось, что кожа на его лице сейчас не выдержит напора крови и лопнет. Она с недоумением рассматривала его. Что он так разошелся? Ничего ведь не случилось особенного. На крики и шум прибежала Марья, а может, ее кто-то вызвал. Она собрала бумаги и начала громко извиняться. До Василисы дошло, что извиняется она за ее поведение. Ее поведение! Подумать только! Марья увела мужчину к себе в кабинет, и дальнейшего разговора Василиса уже не слышала. Он вышел оттуда минут через двадцать. Марья засемила к ней, и Василиса молча ждала ее приближения. Экран компьютера невинно сверкал рабочей информацией.

– Что случилось, Василиса? – Чувствовалось, что Марья в шоке и от удивления даже не может как следует рассердиться. – Ты как себя ведешь? Ты знаешь, кто это? Господи!

– Знаю, VIP. Ну и что? – Василиса нахмурилась. – Он грубил мне, как трамвайный хам. Я только попросила его успокоиться. Ну, может, несколько громко.

– Василиса, да ты в уме? Это ты хамила ему и швыряла бумаги. Девочки подумали, что ты собираешься его ударить. Они испугались. Ты прямо неистовствовала. Что он тебе сделал? Просто попросил поторопиться.

– Просто попросил? Он чуть не убил меня. Я сказала ему, что у меня сбой, а он разошелся, как сапожник.

– Василиса, ты больна, ты не ведаешь, что творишь, и поэтому я не наказываю тебя. История с мужем, очевидно, возымела на тебя большое влияние. У тебя сдали нервы. Это ты первая нахамила клиенту, чуть не ударила его. Мне стоило огромного труда его успокоить. Я сказала, что у тебя нервный срыв, из-за личных проблем, и он обещал не поднимать шум. Пришлось пойти ему на уступки. Василиса, дорогая, возьми отпуск. Недели на две, иначе это плохо кончится. – Марья умоляюще смотрела на Василису.

Василиса начала что-то понимать. Боже, что с ней? Так расшатались нервы! Эти надписи, ругань. А вслух сказала:

– Да, Марья Антоновна, вы правы. Простите, я, и правда, не в себе. Сама не знаю, что со мной. Как глупо вышло! Я сейчас напишу заявление.

– Вот и хорошо. Можешь сейчас идти домой. А отпуск я оформлю с завтрашнего дня.

– Спасибо, вы мне очень помогли. И за клиента отдельная благодарность. – Василиса чувствовала себя виноватой, и правда, была очень признательна Марье.

Она написала заявление, собрала вещи, хотела попрощаться с сослуживцами, но передумала, переживая происшествие с клиентом, и вышла из банка. Доплелась до машины, села в нее и закурила. Теперь в ближайшие две недели она абсолютно свободна и предоставлена самой себе. Странное ощущение. Она никогда не проводила отпуск одна, в пустой квартире. Герман все время был рядом, они почти всегда куда-нибудь уезжали. Ей стало грустно. Кстати, вдруг вспомнила она, что это за идиотские надписи? Может, кто-то перепутал электронную почту? Хотя вряд ли. Она ничего не понимала. Что за выражения он или она употребляли? Почему она грязная тварь и должна сдохнуть? Насколько ей помнилось, она никому не причинила зла в такой степени. Да и вообще, кто это мог быть? Ладно. Василиса выбросила сигарету в окно. Хватит, возможно, ей это просто привиделось. Наваждение. Так бывает. Не стоит придавать этому такое большое значение, во всяком случае, сейчас. Она завела машину и отъехала со стоянки. Ей пришлось в голову съездить к Герману на работу, пока не закончился рабочий день и там еще можно кого-то застать. Макс наверняка там, и она сможет без помех с ним поговорить. Институт Германа находился недалеко от банка, и Василиса добралась быстро. Привычно взбежала на второй этаж, где у Германа был небольшой кабинетик. Потом сообразила, что вряд ли там кто-то есть, и прошла в общую лабораторию, где у Германа тоже был свой стол. Макс был на месте. Ей повезло даже в том, что он был совершенно один.

– Привет, – Василиса старалась казаться спокойной, – ты один?

Макс кивнул.

– Я хотела поговорить с тобой. О Германе. Ты знаешь, он пропал.

– Знаю, но не знаю, чем смогу помочь. Все было, как всегда. Совершенно обыденно. Рутину. Да ты садись, я сейчас чай налью.

– Да, буду рада выпить чашечку. – У Василисы внезапно пересохло в горле. Она устало опустилась на стоящий рядом стул.

– Ну а ты как? – Макс принес чай и подал чашку Василисе. – Что-нибудь известно?

– Пока нет. Я написала заявление в милицию вчера, обещали позвонить, если будет результат. А я в порядке. Взяла отпуск на две недели, буду искать сама.

– Как ты это себе представляешь?

– Пока не знаю, но, возможно, что-то прояснится. Во всяком случае, работать я не могу.

– Понятно. Ну а что ты хотела у меня спросить?

– Трудно сказать. – Василиса отхлебнула из чашки. – Хороший чай. Откуда такой?

– Он с травами, Лера где-то купила пучок. Кажется, в деревне, у знахарки. Не знаю, зачем. Та сказала, очень вкусный и полезный. Для поддержания сил и все такое.

– А-а. Ну да ладно. Лучше скажи мне, не могла ли здесь быть замешана женщина?

– Женщина? Ну и ну! – Макс выглядел очень удивленным. – А с чего ты взяла?

– Это я просто. Надо же с чего-то начать. Эту версию я тоже исключить не могу, потому и спрашиваю. Хотя, надо признаться, сама в нее слабо верю.

– Нет, женщиной здесь и не пахнет. Он и до женитьбы был не особенно охоч, а уж после...

– Может, особо ретивая студентка? Влюбилась, добивалась?

Макс засмеялся.

– Нет, нет, нет. Студентки его боялись, он их попросту игнорировал. Да и часов у него было мало, ты же знаешь. Он был поглощен научной работой.

– Вот. Это ближе к делу. Какой работой? Что он искал?

– А ты не знаешь? Я думал, он тебе все рассказывал.

Василисе стало немного неловко.

– Этим он со мной не поделился. В последнее время он стал очень замкнут, у него часто поднималась температура. Я просила его отдохнуть, уйти на больничный, но он отказывался. Итак, над чем он работал? Кстати, ты не знаешь пароль его электроники?

– Нет, а зачем он тебе?

– Пока не знаю, но у меня есть подозрения. Хотелось проверить. Ну ладно.

Василиса подошла к столу Германа. Все бумаги были аккуратно разложены. Василиса перебрала их. Ничего интересного. За монитором компьютера заметила необычную фигурку, вырезанную из дерева. Фигурка была сделана грубо, очевидно ножом или чем-то вроде того. Она почернела от времени, но сохранилась хорошо. Напоминала человека, но с каким-то странным лицом, похожим на китайского дракона. У него были руки и ноги, кривые и короткие, заканчивающиеся острыми когтями, наподобие звериных, а широкая спина фигурки была украшена крыльями и хвостом. Крылья были не очень большие, они были сложены, и их можно было принять за горб, если не особенно присматриваться. Но то, что сзади был хвост, сомневаться не приходилось. Кончик хвоста был треугольным, фигурка опиралась на него, и именно это придавало ей устойчивость.

– А это что за чудовище? – Василиса вертела фигурку в руках.

– Вот именно, чудовище. Это как раз и ответ на твой вопрос, чем он занимался.

– Что, этим?

– Ну если так можно выразиться. Это Саня привез с каких-то раскопок. Точнее, с древнего славянского захоронения. Герман как увидел, так просто потерял покой. Практически отобрал фигурку у Сани. Прямо фетиш из нее сделал. Он же верованиями интересовался, это-то ты знаешь. А такое в первый раз подвернулось. Саня предлагал ему поехать летом туда с ним, он вроде соглашался. А пока перерыл кучу литературы. Нигде ничего. Что за божок? Может, просто сатир такой? Фавн или еще кто? Но Герман был уверен, что это не фавн. У того копыта на ногах и коленки вывернуты. Но знаешь, племен много было, у каждого свои причуды, так сказать. Могли и такого фавна выдумать. Но он не верил. Искал, искал, но тщетно. Но в последнее время, ты права, стал какой-то сам не свой. Поставил входной ключ на компьютер, чтобы никто не заглядывал. У нас с этим просто. Зачем ему это? Ума не приложу. Не мог дожидаться лета, чтобы туда ехать. Это, знаешь ли, у черта на куличиках, какая-то заброшенная деревня в глухой тайге. Но Саня знает, где. Это не тайна. Вот, пожалуй, и все. Может, он что-то нащупал? Но не хотел говорить? Ученые ревностно охраняют свои открытия.

– Но это же Саня нашел, я правильно поняла? Он что, подарил Герману открытие?

– Да нет, просто Саня по другой части. Черепки, быт и так далее, вопросы веры его не очень волнуют. Короче, он не претендовал. Ну, может, на соавторство, не знаю. Да и открытия-то, в сущности, еще никакого не было. Никто даже не понял, что это. Может, просто фантазия какого-то мастера. Бывают такие, с причудами.

– Возможно, а почему компьютер закрыл?

– Ну этого я не знаю. Может, мания преследования. Ты сама-то дома не замечала странностей?

– Может быть. Смотря что называть странностями. Это все?

– Да. Это все.

– Когда это началось? То есть когда появилась статуэтка?

– С месяц или более, не помню точно.

– Спасибо, ты мне очень помог. Но, знаешь, ментам пока не говори то, что мне сказал.

– Почему? Что здесь такого?

– Ничего, но пусть прорабатывают свои версии. Этой я займусь сама. Мне кажется, так лучше будет. Вы же не хотите, чтобы Саню обвинили в том, что он устранил конкурента?

– Господи, Василиса, что ты мелешь? Какого конкурента? Никто ни с кем не конкурировал. Да и конкурировать не было никакого повода. Герман даже не пытался ничего отобрать у Сани. Просто поставил статуэтку на свой стол. Если бы Саня хотел, он мог бы сто раз забрать ее и работать с ней. Все видели и знают, что Саня ее нашел и привез. Это просто бред. Но Саня терпеть ее не мог. Говорил, что она ему не нравится, а привез он ее непонятно почему. Вообще, я теперь вспомнил, он рассказал странную историю. Он вовсе не хотел ее брать, хотел там оставить, в краевом музее, где они садились на поезд. Вроде отнес, отдал заведующей. Все чин по чину. Но дома, распаковывая вещи, обнаружил ее у себя. Вот такая история. Заболтался, а отдать забыл. Так она здесь и очутилась. Да у нас, знаешь ли, не тот размах, чтобы конкурентов устранять.

– Но все равно, не говори ментам. Им лишь бы дело закрыть. Это же форменные уроды. Не услышат, так придумают. Я не смогу простить себе, если Саню обвинят.

– Как скажешь, может, ты и права. Зачем самому нарываться на неприятности.

– А если кто-нибудь еще вспомнит?

– Исключено. Саня просто отдал ему статуэтку, и все. Как сувенир. А Герман не больно-то с кем делился. Бабам все равно, у них другое на уме. Только мы с Саней и были в курсе его поисков. Так что не беспокойся.

– Ну ладно, мне пора. Спасибо за чай. Очень вкусно. У меня сразу сил прибавилось.

– Да ладно, не за что. Заходи, если что. Я всегда рад помочь. – Макс проводил ее до двери.

– Ну а насчет женщины ты абсолютно уверен? – Василиса внезапно засомневалась, вспомнив свое приключение. Возможно, и с ним могло случиться то же.

– Будь спок. Это железно. Я бы знал.

– Ну, спасибо еще раз. Пока. Ах да! – она словно внезапно что-то вспомнила и остановилась в дверях. – Можно я возьму эту статуэтку? На время? Это не очень ценный раритет?

– Да бери, пожалуйста. Про нее уже все забыли. Сане я скажу, что у тебя, если вдруг спросит.

– Спасибо.

Василиса вышла из лаборатории несколько успокоенная. Может быть это какая-то зацепка? Ей нужно все обдумать. Она почувствовала, как горят у нее ладони, и подумала, что снова поднимается температура. Ей опять захотелось зайти в какое-нибудь развеселое заведение и повторить вчерашнее, но она не решилась. Так, пожалуй, скоро ее будет знать весь город, а ей это ни к чему. А вдруг ее, и вправду, кто-то ищет? Ей нужно или отсидеться, или уехать отсюда. Но куда? Может, домой? Но вряд ли свекровь ее поймет, да и ментам, возможно, понадобится ее помощь. Так размышляя, Василиса доехала до дома в сопровождении статуэтки, которая покоилась на дне сумки.

Дома Василиса позволила себе немного коньяка. Так, самую малость, чтобы немного взбодриться. Нужно было померить температуру, но она внезапно испугалась показаний градусника. В принципе, этот жар ничем не мешал ей. Она вытащила статуэтку из сумки и поставила на стол. Боже, какое уродство! Зачем она Герману? Даже не похоже, что очень древняя. Может, подшутил кто-то из местных, с богатой фантазией? Такое тоже бывает. Выстругал и подбросил на раскопки. Хотя...

От коньяка Василису потянуло в сон. Она прилегла на диване в гостиной, не раздеваясь. Времени было мало, и она решила вздремнуть немного, а потом уже поест и лечь в постель. Она закрыла глаза и провалилась в сон. Потом ей показалось, что она проснулась и села на кровати. Что-то насторожило ее, и она осмотрелась. Это была явно не ее комната. Серое мрачное помещение с каменными стенами, маленькое окошко под потолком, вверх ведут ступени. Там, где они кончаются, массивная дверь, обитая железом. Василисе стало страшно. Спина страшно болела, но она не могла определить, почему. Василиса в ужасе

смотрит на дверь. Она откуда-то знает, что пока дверь закрыта, она в безопасности. Ее снова потянуло в сон, она захотела прилечь на кровать, но мощный удар заставил ее вздрогнуть. Она была бессильна что-либо сделать и только молча наблюдала, как железная дверь сдается под натиском громовых ударов. Наконец дверь распахнулась, и в проеме света показалась фигура. Это был мужчина огромного роста. Он радостно засмеялся, и его смех заставил Василису вжаться в стену. «Вот ты и попалась, дрянь! – он поднял здоровенный меч и стал медленно спускаться по лестнице. – Теперь я отщипну тебе твою мерзкую головенку!» Каждый шаг его эхом отдавался у Василисы в ушах. Сердце ее стучало в такт этим неумолимым шагам. Тук-тук! Все громче и громче. Звук стал таким громким, что заглушил даже шаги. Тук! Василиса открыла глаза: «Господи, слава тебе! Я дома! Какой жуткий кошмар! Еще немного, и он бы убил меня». Василиса спустила ноги с дивана. Надо выпить кофе и поесть. Так дальше нельзя себя загонять. Может, это от голода? Голодные галлюцинации. Хотя еще секунду назад все казалось ей донельзя реальным. Она побрела в кухню, открыла холодильник, вытащила оттуда все съестное, поставила чайник. Почти не жуя, проглотила несколько бутербродов, запивая их соком. Потом налила себе кофе, разбавив его молоком. Надо успокоиться. Раздался телефонный звонок. Василиса подошла, медленно сняла трубку. Это была свекровь.

– Ну как дела? Что не звонишь? Ты была в милиции? Что-нибудь удалось прояснить?

Василиса подробно рассказала ей о своем посещении милиции, сказала, что была на работе, утаив только свой разговор с Максом. Свекровь слушала не перебивая.

– Это все? – спросила она, когда Василиса замолчала.

– Да.

– Ну что ж, неплохо для первого раза. Что думаешь делать?

– Попробую поговорить еще с кем-нибудь. А вообще буду ждать.

– Пожалуй, ты права, больше ничего не остается. Если что узнаешь, звони, держи меня в курсе. Я тоже буду тебе позванивать.

– Хорошо. – Василису утомил этот разговор. Что ей нужно? Ни тени расстройства. Или так хорошо держится? Василиса положила трубку.

Ни с того, ни с сего решила включить компьютер. Вдруг Герман прислал ей сообщение? Как она раньше об этом не подумала? А может, это он повредился в уме и шлет ей эти страшилки? Может, узнал про вчерашнее? Но зачем он спрашивает, где она? Он и так знает, где ее можно искать. Она не скрывается.

Василиса вошла в электронную почту. Сразу высветилось сообщение: «Что ты молчишь, сука!!! Я начинаю терять терпение! Я ведь предупредил тебя, тварь! Лучше сама скажи, где ты. Если мне придется тебя долго искать, я тебе не завидую».

Василиса тупо смотрела на письмо. Значит, ей не привиделось. Кто-то желает ей зла. Возможно, ее осенила мысль, кто-то слал Герману такие же сообщения, и поэтому он поставил пароль на свой компьютер. Но зачем он скрывал? Значит, были причины. Ей впервые пришло в голову, что Герман мог просто сбежать, скрыться, узнав, что кто-то преследует его. Тогда стоит ждать от него вестей. И вряд ли по телефону. Сообщение сердито уставилось на нее, агрессивно выделяясь черными буквами на белом фоне. Василиса решила и отстучала: «Кто ты? Что тебе нужно?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.